

Книги Гунеля позволяют нам понять,
как легко то, во что мы верим, становится реальным.

Psychologies Magazine

Я ОБЕЩАЮ ТЕБЕ СВОБОДУ



ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Лоран Гунель — один из пяти самых популярных
и продаваемых писателей Франции.

Лоран Гунель

Я обещаю тебе свободу

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Гунель Л.

Я обещаю тебе свободу / Л. Гунель — «Азбука-Аттикус», 2018

ISBN 978-5-389-18794-8

Представьте, что работодатель собирается вас уволить и у вас есть всего десять дней, чтобы изменить ситуацию, но в тот же вечер супруг сообщает, что ваш союз утратил смысл... Причем и тот и другой считают, что во всем виноваты именно вы. Однако разве вы можете изменить себя? Но вот друг рассказывает вам о загадочном человеке, состоящем в тайном братстве и владеющем секретными знаниями. Именно этот человек в состоянии превратить вас в совершенно новую личность. Сибилле Ширдун, героине этого романа, суждено столкнуться с поражениями, разлукой, предательством, а также со счастьем, радостью, любовью. Но сможет ли она изменить себя? Книги Лорана Гунеля, входящего в пятерку самых популярных беллетристов Франции, возглавляют топ-листы продаж во Франции и переведены на двадцать пять языков. Впервые на русском!

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-18794-8

© Гунель Л., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

1	6
2	13
3	22
4	26
5	29
6	35
7	37
8	39
9	41
10	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Лоран Гунель

Я обещаю тебе свободу

Единственное подлинное путешествие, единственный источник молодости – это не путешествие к новым пейзажам, а обладание другими глазами, лицезрение вселенной глазами другого человека, сотен других людей, лицезрение сотен вселенных, которые каждый из них видит, которыми каждый из них является.

Марсель Пруст. Пленница

Посвящается Забет и Эдмону

Laurent Gounelle

JE TE PROMETS LA LIBERTÉ

Copyright © Calmann-Lévy, 2018

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates

© О. М. Габе, перевод, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство Иностранка®

1

Лион, Франция, 8 декабря 2017 года

Был теплый осенний вечер.

Набережные Роны купались в бледном свете закатного солнца, над водой висел легкий туман. Ни ветерка. Полевые травы дремали на окрестных пустырях, странным образом сохранившихся в нескольких шагах от центра города.

За железным забором, перегородившим набережную метрах в пятнадцати от того самого места, собралась толпа. Сэм Бреннан с журналистским удостоверением в руке проскользнул прямо к женщине, на которую были устремлены взгляды собравшихся, – к Сибилле Ширдун. Десять лет назад, когда его только взяли работать в «Ньюсуик», он брал у нее интервью. С тех пор он работал специальным корреспондентом газеты в Европе и мотался из одной страны в другую вслед за культурными событиями или в поисках идей для репортажа на злободневную тему. Свободно владея французским языком, он хватался за малейшую возможность побывать во Франции.

На этой неделе горячих новостей не было, вот он и приехал в Лион, чтобы рассказать о ежегодном событии, привлекавшем все больше туристов со всех концов Европы. Лугдунум – так этот город назывался во времена римлян, что означает «крепость Луга», бога света... В этот вечер и должен был состояться праздник света, проходивший уже более ста пятидесяти лет. По традиции вечером восьмого декабря горожане ставили на подоконниках маленькие свечи, и весь город мерцал тысячами крошечных огоньков, создававших особую атмосферу, которую еще усиливала разноцветная подсветка зданий.

Несколько часов назад Бреннану позвонила Дженнифер, его ассистентка:

– Сэм, ты еще в Лионе?

– Конечно.

– Представь себе, Сибилла Ширдун тоже там.

– Ширдун в Лионе?

– Мне сказала подруга из CNN, у них эксклюзивное право на телесъемки. Ширдун приехала посмотреть, как будут поднимать со дна реки плавучий ресторан, в котором она начинала карьеру. Вертолет CNN привезет ее в семнадцать часов на набережную.

– А что там за история с кораблем?

– Судя по всему, он пролежал на дне больше пятидесяти лет, а сейчас городские власти решили почистить реку, а заодно и достать «утопленника». Мэрия предупредила Ширдун, и она решила приехать, хотя врач ее отговаривал.

– Отлично, я такое не пропущу.

– Если повезет, будешь единственным представителем печатной прессы.

Пожилую даму усадили в огромное, обитое красным бархатом кресло в стиле Людовика Пятнадцатого, слегка поновленное Филиппом Старком. Дама восседала точно королева на троне. Преклонный возраст и недуги отнюдь не лишили ее ауры и невероятного обаяния.

Долгое время Сибилла Ширдун была одной из самых влиятельных женщин в мире, а ее жизненный путь выглядел весьма впечатляюще. Она родилась в Джибути, в семье эфиопа и француженки, сначала прославилась как певица, а затем покорила кинематограф. Голливуд лежал у ее ног, поклонники со всего света ее обожали, но звездная болезнь обошла Ширдун стороной. Она не строила из себя диву, не кичилась перед продюсерами и журналистами, не хвастала успехом и положением в обществе. Не будь у нее этой легкости, разве смогла бы она в один прекрасный день, на пике славы, все бросить и посвятить себя созданию детского образовательного фонда? Другие звезды использовали благотворительность, чтобы пустить пыль в

глаза публике и показать себя в выгодном свете, они летали туда-сюда на частных самолетах с огромными выбросами, а сами кричали о глобальном потеплении.

Ширдун, напротив, всегда была воплощением честности и твердости. Фонд стал ее любимым детищем. Бесчисленное множество частных лиц и организаций последовали за ней и поддерживали деньгами удивительные проекты, которые она вела во всех концах земного шара.

Сэм дождался, пока журналист CNN задаст вопросы, затем подошел и представился.

– Не знаю, помните ли вы меня...

– Конечно помню! Вы брали у меня интервью на заседании фонда в две тысячи восьмом году.

Сэм улыбнулся. Обычно чем известнее становится человек, тем меньше он замечает других.

Перед ними из дымки, подсвеченной заходящим солнцем, вынырнула голова огромного портового крана. Надежно закрепленный на подставке, он был похож на гигантского металлического жука, покрытого тут и там пятнами ржавчины.

Неподалеку стояли несколько мужчин в желтых касках. Одни болтали, другие не отрываясь смотрели на темные воды реки. Водолазы в черных, поблескивающих в полумраке костюмах уселись на борт надувной лодки, закрепили на спинах баллоны с воздухом и, оттолкнувшись, исчезли из виду. Река беззвучно поглотила их.

– Оденьтесь потеплее, – раздался женский голос.

То ли сиделка, то ли медсестра. Она не сводила глаз с пожилой звезды, готовая в любой момент прийти на помощь.

Торопливо поднявшись, она протянула шаль своей протеже, но та с улыбкой отказалась.

Вдруг мотор крана глухо заурчал. Толпа на берегу притихла, все взгляды обратились на поверхность Роны.

Человек в бежевом непромокаемом плаще, видимо руководитель операции, раздавал указания.

Камера CNN работала без остановки.

Сибилла Ширдун выглядела спокойной и расслабленной, но ее и без того искрящиеся глаза заблестели ярче, когда опутанный цепями корпус корабля медленно показался из спокойных вод реки. Он напоминал попавшего в сети огромного кита, который напрягает последние силы в тщетной попытке высвободиться из лап врагов.

Цепи угрожающе скрипели под чудовищным весом. В воздухе запахло мокрым деревом и тиной.

Отойдя чуть в сторону, сиделка с тревогой следила за взволнованным лицом своей подопечной.

– Стоп! – крикнул человек в плаще крановщику и поднял руку. – Повернуть на сто восемьдесят градусов!

Фотограф «Ньюсуик» суетливо щелкал фотоаппаратом, стараясь поймать в кадр одновременно и корабль, и Ширдун.

Несколько минут спустя облепленный тиной гигант повис над набережной, а затем, словно в замедленной съемке, опустился на массивный деревянный элинг. Цепи зазвякали по бортам и повисли спокойно. Гул мотора стих. В наступившей тишине корабль выглядел еще более внушительно.

Сэм жадно ловил реакции пожилой дамы. Она молча смотрела на неподвижный корпус корабля, но ее лицо выражало целую гамму чувств.

Журналист подошел к ней и, присев на корточки, почти шепотом спросил:

– Вы узнаете его, мадам Ширдун?

Не отрывая глаз от корабля, она улыбнулась и медленно кивнула.

Сэму не терпелось засыпать ее вопросами, но он молчал из уважения к ее чувствам и боясь испортить важный для нее момент. Он понимал, что в ее голове возникают сейчас картины прошлого, мысли об ушедших годах.

Спустя некоторое время он ринулся в бой:

– Значит, вот где вы начали карьеру певицы?

Сибилла улыбнулась и отрицательно покачала головой:

– Не совсем так.

– А разве не на этом корабле вы дали свои первые концерты?

Она снова мотнула головой:

– Нет. Но он перевернул мою жизнь.

Сиделка пристально смотрела на Сибиллу, готовая броситься на защиту при малейшем признаке опасности. Фотограф трудился как пулеметчик.

– Расскажите подробнее?

– Это было в начале шестидесятых. В шестьдесят... шестьдесят четвертом, да, точно. Я работала на корабле. Это был плавучий ресторан, ну знаете, бар с пианистом и концерты каждый вечер. Меня поставили во главе небольшой команды. Это плохо закончилось для меня... И все же, если бы не тот провал, моя жизнь никогда бы не сложилась так, как сложилась.

Тут она как-то нехорошо закашлялась. Сэм бросил тревожный взгляд на сиделку и пожалел об этом, едва увидев выражение ее лица. Ему показалось, что он, сам того не желая, напомнил ей о ее миссии.

В этот момент руководитель операции подошел к Ширдун. Его бежевый плащ был заляпан тinou.

– Мадам, мои люди сейчас попробуют проникнуть на борт. Мы, конечно, не можем пригласить вас туда, это небезопасно. Вы же понимаете, там все держится на честном слове...

– Конечно понимаю.

– Мы возьмем камеру и немного там поснимаем. Если вы не против, мы потом покажем вам запись.

– Прекрасно!

– Есть ли какое-то место на борту, которое вам особенно ценно? Мы постараемся заснять его, если получится.

Она задумчиво покачала головой. Но вдруг ее глаза загорелись.

– Мне бы хотелось увидеть рояль. Вернее, то, что от него осталось. Если, конечно, что-то могло уцелеть под водой.

Руководитель операции заулыбался:

– Хорошо, мадам, я передам ваше пожелание. Где он находился?

– В большой гостиной, она же служила рестораном. Черный рояль. Небольшой, примерно метр семьдесят длиной. Вы его ни с чем не перепутаете.

Некоторое время Сэм молча смотрел на Сибиллу Ширдун.

– Мне кажется, с этим роялем связана какая-то история...

Пожилая дама задумчиво кивнула. На ее лице мелькнула грустная улыбка.

– Он был свидетелем того, как я спустилась в ад и сумела вернуться оттуда. И еще под его звуки я впервые в жизни решила спеть на сцене. Это был не концерт, нет, но я осмелилась спеть – вот что важно... Все благодаря одному молодому пианисту. Он был ирландцем, как вы. По крайней мере, мне так кажется. Каждый вечер, когда гости расходились, он наигрывал мелодию собственного сочинения. Очень чувственную и очень грустную...

На глазах у женщины выступили слезы. Сиделка заволновалась, нахмурилась и демонстративно посмотрела на часы.

– Как его звали? – спросил Сэм.

Женщина помолчала.

– Джереми Фланаган. Я потом потеряла его из виду. Много лет спустя подруга сказала, что видела его за пианино в одном нью-йоркском баре. Я позвонила туда, но оказалось, что он только что уволился, не оставив ни адреса, ни телефона. Вот так и проходит жизнь – не находишь времени поблагодарить человека, который, сам того не зная, изменил твою судьбу. Благодаря ему я стала петь. Благодаря одной его фразе, очень простой, но произнесенной в подходящий момент. Он сказал: «Ты можешь». Мне нужно было услышать это, нужно было, чтобы кто-то подбодрил, дал зеленый свет. Те два слова все решили.

– Получается, этот человек стоял у истоков вашей карьеры?

Она отрицательно покачала головой:

– Не совсем. Хотя он, конечно, сыграл свою роль.

Сэм увидел два силуэта на палубе корабля.

– На самом деле, – снова заговорила Сибилла, – моя жизнь изменилась благодаря другому человеку. Другому мужчине.

– Другому мужчине?

Она долго молча улыбалась, словно погрузившись в свои мысли, а потом ответила:

– Это был загадочный мужчина. Очень загадочный... До сих пор, спустя пятьдесят лет, я не смогла проникнуть в его тайну.

Сэм почувствовал, что напал на след:

– Расскажите мне все!

– О-ля-ля! Какой вы хваткий! Это долгая история... Ее и за целый день не расскажешь. Едва проговорив это, она зашлась в кашле. Приступ все никак не прекращался.

Сиделка тут же подскочила:

– Месье Бреннан, достаточно.

– Но... но мы ведь только начали.

– Я слышала, чего вы хотите. Это исключено.

– Но я только...

– Прошу вас, не настаивайте. Пойдемте, Сибилла. Мы немного отдохнем в шатре и поедем.

С этими словами она взяла под руку пожилую женщину, которую все еще сотрясал кашель, и помогла ей подняться.

– Отдыхайте, сколько вам будет нужно, – сказал Сэм как можно более спокойным тоном. – Мы продолжим потихоньку, когда захотите.

Он посмотрел им вслед. Две женщины медленно шли по набережной к шатру с изображением герба города.

Четверть часа спустя человек в бежевом плаще появился у входа в шатер. Сэм быстро подошел к нему и протянул визитку:

– Сэм Бреннан из «Ньюсуик».

– Жак Верже.

Руководителя операции впустили внутрь. Сэм проскользнул вместе с ним.

Сибилла Ширдун сидела в кресле рядом с походной кроватью, где, видимо, не так давно отдыхала.

– Первый фильм готов, – произнес Верже, помахав планшетом. – Но к сожалению, рояль мы не нашли. Наверное, он развалился на части и их унесло течением.

– Вы сделали все, что могли, – ответила Сибилла.

Лицо ее улыбалось, но в голосе чувствовалось разочарование.

Все сгрудились, чтобы на экране планшета посмотреть видеозапись. Сэм стоял позади сиделки и смотрел поверх ее плеча.

На корабле царила разруха. Стены покрылись тиной и водорослями. Разнообразные морские растения уныло свисали отовсюду.

Первое помещение было почти пустым, второе, наоборот, завалено сломанной мебелью. Дальше шла очень темная лестница со ступеньками, едва проступавшими сквозь слой тины и ила. Она вела в комнатуху, похожую на комнату отдыха для персонала, следом начиналось просторное машинное отделение, потонувшее в грязи и своим видом напоминающее приход апокалипсиса. Затем камера снова поднялась по лестнице и оказалась в капитанской рубке, ее пол был покрыт вязкой зеленью. Оттуда по сумрачному коридору камера вышла в ресторан, он же главный зал. Там угадывалась подернутая илом барная стойка, опрокинутые столы и стулья, иллюминаторы с выбитыми или залепленными песком стеклами. Несколько рыб, пленниц погибшего корабля, бились на прогнившем полу.

Краем глаза Сэм следил за Сибиллой. Она полностью отдалась созерцанию катастрофы. Запись закончилась. Никто не смел нарушить молчание. Атмосфера была гнетущая.

Сэм взял на себя смелость заговорить:

– Мне бы очень хотелось расспросить вас о том времени, когда вы работали на корабле. Узнать, что там произошло. И кто был тот загадочный мужчина...

Случилось то, чего он боялся: ему ответила сиделка. Она напомнила, что интервью может растянуться на несколько дней, а мадам Ширдун привыкла ночевать у себя дома, в Комо. Кроме того, ее состояние здоровья не позволяет вести долгие беседы. В общем, настаивать бесполезно. Сэм даже не пытался бороться.

Журналисту CNN разрешили задать несколько коротких вопросов.

Четверть часа спустя двигатель вертолета загудел, а лопасти принялись разрезать воздух, распространяя в округе запах керосина.

Сибилла Ширдун тепло попрощалась с Сэмом, с журналистом CNN, помахала небольшой группе людей, все еще стоявших за железными ограждениями, и поднялась на борт.

Шум усилился, вертолет медленно поднялся, развернулся вокруг своей оси и исчез в туманном декабрьском небе.

Рабочий в желтом дождевике и синих сапогах поливал корабль из шланга. Мерзко пахнущая тина сползала по корпусу корабля, постепенно обнажая изначальную краску бутылочно-зеленого цвета. Показалось имя корабля, когда-то выведенное золочеными буквами: «Пигмалион».

Сэм подошел ближе и позвал руководителя операции:

– Месье Верже, я бы хотел побывать на корабле с моим фотографом, это для газеты «Ньюсуик».

Жак Верже отрицательно покачал головой:

– Это невозможно, там небезопасно.

– Как думаете, получится попасть туда позже?

– Возможно. Но обещать не буду.

– Хорошо. У вас есть моя визитка. Позвоните, если что-то изменится.

– Можете на меня рассчитывать.

Комо, Италия, 5 января 2018 года

Сэм захлопнул дверцу такси. Голова гудела. Он сто раз пожалел, что, садясь в машину, сказал шоферу пару слов по-итальянски. Услышав, что приезжий говорит на его языке, таксист не умолкал всю дорогу.

Журналист с облегчением смотрел, как белый «фиат» удаляется по обсаженной кипарисами дороге.

Наступила тишина, изредка нарушаемая пением птиц.

Среди пышной растительности он заметил высокую черную ограду, но никакой постройки за ней не было видно. Небо над головой было пронзительно голубым, и, несмотря на разлитую в воздухе прохладу, казалось, что уже наступила весна. А ведь еще накануне он пробирался сквозь лондонскую хмарь. Как будто на другой планете!

Сэм позвонил в видеофон и представился. Ворота открылись, и он пошел по аллее, обсаженной рододендронами, лавровыми деревьями и азалиями.

Журналист достал фотоаппарат и сделал несколько кадров. На этот раз он приехал без фотографа, чтобы разговаривать наедине.

Прошел почти месяц с того дня, когда корабль подняли со дна Роны.

Спустя всего час после отъезда Сибиллы из Лиона с ним связался Жак Верже.

– Вы оставили визитку, вот я и звоню.

– Отлично, спасибо. Есть какие-то новости?

– Только что нашли рояль.

Рояль.

Слишком поздно, уже не сделать трогательную фотографию встречи «старых знакомых».

– Он оказался не в главном зале, а в отдельном помещении. Честно говоря, нам очень повезло, это единственная водонепроницаемая комната на корабле. Думаю, его проектировали не для речной навигации, а для морского плавания, поэтому и предусмотрели кабину с системой жизнеобеспечения. В общем, там образовался воздушный пузырь и все эти годы рояль провел без доступа воды. Кажется, он в отличном состоянии.

– Невероятно.

– Есть еще одна странность.

– Какая?

– У него нет струн.

– Нет струн?

– Ни одной. Мы открыли, а там пусто. Только немного коричневой пыли на... на такой деревянной доске внутри.

– На деке.

– Точно, на ней.

– Очень странно.

– На самом деле это даже логично. Сначала мы удивились, а потом все встало на свои места. Пузырь-то образовался, но все равно там было довольно влажно. Струны, видимо, заржавели и со временем рассыпались в пыль. Только подумайте, пятьдесят лет под водой...

– Я понял. Будьте добры, сохраните его в надежном месте. Посмотрим, что можно будет сделать.

Время шло, а Сэм так ничего и не придумал.

Сильный запах мимозы вернул его к реальности. Как же здорово видеть эти ярко-желтые кусты посреди зимы! Чудесная Италия...

Он ждал открытия выставки Рафаэля в Академии Каррара в Бергамо, чтобы затем отправиться в Комо, который находился всего в часе езды.

Внизу вдруг показалось темно-синее озеро и словно нависающая над ним вилла Сибиллы Ширдун. Это была старинная и весьма элегантная в своей простоте постройка: оштукатуренные стены цвета охры, старые камни по углам здания и в обрамлении окон и настоящая черепичная крыша. Вокруг возвышались вековые сосны, чуть склонившиеся, будто в реверансе. Несколько камелий уже зацвели.

Казалось, время здесь замерло: все напоминало девятнадцатый век, когда виллы на берегах Комо облюбовали художники и музыканты романтической эпохи. Призраки Листа и Верди, должно быть, бродили неподалеку и в любой момент могли показаться на аллее.

Сэма встретила очаровательная молодая женщина – улыбчивая брюнетка с ярко-голубыми глазами и забранными в хвост волосами. Она говорила по-французски с обворожительным акцентом. Сэм обрадовался, не увидев знакомую ему строгую сиделку.

– Как вас зовут?

– Джулия, – ответила девушка и широко улыбнулась.

Она пригласила Сэма на уютную террасу, вымощенную камнем и уставленную большими глиняными кадками с апельсиновыми деревьями.

Сибилла Ширдун почти сразу присоединилась к ним, тепло поприветствовав Сэма. Она показалась ему более расслабленной и спокойной, чем в Лионе. Джулия поставила на низкий столик обжигающий кофе и шоколадное печенье.

– Итак, вы хотите узнать, что произошло со мной на борту «ПигмаЛиона» и кто тот загадочный мужчина, которого я упомянула в прошлый раз, – начала Сибилла, заговорщически улыбаясь.

– Так и есть.

Пожилая дама знаком пригласила Сэма присесть, и он удобно устроился в белом плетеном кресле с двумя пухлыми бледно-голубыми подушками.

– Как я уже говорила, это долгая история...

Она поблагодарила Джулию, и та удалилась в дом. Сэм взял чашку, не отрывая взгляда от Сибиллы. От нее веяло редким в наши дни спокойствием. Пожилая дама села, улыбнулась и задумчиво посмотрела на озеро. Ее глаза светились.

– В ту самую секунду, когда я встретила этого человека, я почувствовала: он видит во мне то, что я сама не вижу.

Она ненадолго замолчала, глядя вдаль.

Сэм, не сводя с нее глаз, медленно отпил кофе.

– Он раскрыл секрет... который перевернул мою жизнь. Конечно, мне хотелось поделиться им со всеми, чтобы и другие люди, как я, могли извлечь из него пользу. Но он запретил это делать.

Сэм не проронил ни слова, не позволил себе ни единого жеста. Он молча вдыхал южный воздух с легким ароматом первых цветов.

– Этот секрет дал мне ключ к пониманию смысла жизни, – продолжала она хорошо поставленным голосом. – Ключ к осознанию сидевших во мне страхов, тревог и ограничений. Ключ к познанию себя и своей судьбы. Но самое главное, ключ к свободе...

Сибилла не отрывала взгляда от озера, но Сэм чувствовал, что сквозь водную гладь она смотрит далеко-далеко в свое прошлое, в совсем другую эпоху...

2

Лион, 14 июня 1964 года

Пора просыпаться.

Отрывистый звонок будильника прорезал тишину комнаты.

Я с трудом разлепила глаза, чтобы посмотреть, который час. У кровати стоял электрический будильник «Жаз», первый в своем роде. Его подарил мне на тридцать второй день рождения Натан, мой молодой человек.

Не в силах вырваться из объятий сна, я засунула руки под подушку и завернулась в одеяло, чтобы еще немного понежиться в мягкой постели.

«Ну, смелее!» – шепнул внутренний голос.

Я резко села и поежилась из-за прохлады. Рядом крепко спал Натан, темные пряди его красивых волос разметались по белой подушке. Мне захотелось нырнуть обратно под одеяло и прижаться к его горячему телу.

«Оставь его в покое, он может поспать еще пятнадцать минут».

Я нехотя выскользнула из кровати, чтобы отключить второй будильник: он должен был прозвонить через пять минут, если бы первый не сработал. Старый добрый механический друг, который ни разу не подводил.

Я ощупывала ногами пол в поисках своих тапочек, но натыкалась только на тапки Натана. Чтобы не включать свет и не будить его, надела их. Стараясь не шуметь, я неторопливо пересекла комнату и вошла в ванную. Говорят, достаточно встать не с той ноги, чтобы день не задался. Чего же тогда ждать, если утром надеваешь не свои тапки?

Стоя под душем, я то и дело покрывалась гусиной кожей: горячая вода неожиданно сменилась холодной – настоящий контрастный душ. Уже несколько недель наша колонка вела себя из рук вон плохо, а владелец квартиры даже не думал ее чинить. Старый скряга ловко менял тему, как только я заговаривала с ним об этом.

Я быстро завернулась в мягкий халат и, немного согревшись, надела чистое белье, приятно пахнущее стиральным порошком.

Кофеварка уже вовсю булькала и плевалась, когда в кухню вошел хмурый Натан.

– Это ты взяла мои тапки?

– Извини, не хотела тебя разбудить, пока ишу свои.

– Если бы ты оставляла их в одном и том же месте, то легко находила бы утром, – пробурчал он.

Очередной несправедливый упрек. Мне стало обидно. Натан считал, что у каждой вещи должно быть свое, раз и навсегда определенное место. Люди, не соблюдавшие это правило, казались ему... несколько глуповатыми.

Мы жили в двухкомнатной квартирке на холме Круа-Русс. Раньше здесь находилась ткацкая мастерская, ее переделали в жилое помещение, как это часто бывало по мере того, как лионская шелковая промышленность приходила в упадок. Это тесное жилище с высоченными потолками и спальней на втором этаже наши друзья обожали за оригинальность. А мы мучились всю зиму, не в силах его прогреть. «Невыгодно», – частенько говорил Натан.

Я вышла из дома раньше обычного. Хотя на дворе стоял июнь, было довольно свежо.

Натана ждали на корабле ближе к полудню. Он еще не закончил учебу и по утрам работал над диссертацией. Я знала, что в будущем это позволит ему найти отличное место, а пока наняла его официантом на полдня, никому не сказав о наших отношениях. Очень быстро я пожалела о своем поступке. Взять кого-то по знакомству, да еще и собственного парня, – такое нарушение правил могло обойтись мне очень дорого.

Неудивительно, что я жила в постоянном страхе разоблачения. Сам он ни за что не поставил бы меня. Натан был молчуном, одним из тех умников, которые семь раз подумают, прежде чем проронить слово. Но я страшно боялась, что нас увидят вместе. Когда в свободные вечера мы куда-нибудь шли, то обходили стороной корабль, а заодно и те улицы, где жили наши сотрудники (я не пожалела сил и времени, чтобы выяснить их адреса). На людях я не разрешала Натану ни обнять меня за талию, ни взять за руку. Мысль о том, что нас увидят вместе в нерабочее время, приводила меня в ужас. В результате нашу личную жизнь как будто примяло этим странным трудоустройством, за которое я не переставала себя ругать.

Как и каждое утро, я села в фуникулер на улице Терм и с холма Круа-Русс стала спускаться в Старый город, раскинувшийся у его подножия.

Обычно я приходила гораздо позже, но в тот день у меня была назначена ранняя встреча с агентом из страховой фирмы. Пришло время пересмотреть старые контракты.

За несколько месяцев до этого меня наняли обычным менеджером. Я должна была заниматься продвижением мероприятий типа свадеб или коктейльных вечеринок и искать компании, которые могли бы проводить у нас праздники и конференции. Спустя две недели мне улыбнулась удача – она, как известно, благоволит новичкам: я внезапно подписала два крупных контракта. Они, можно сказать, упали с неба, хотя я ничего не успела предпринять. Это так впечатлило судовладельца, что, к моему большому удивлению, он назначил меня управляющей. Ничем подобным я прежде не занималась и была абсолютно не готова к такому повороту событий. Объяснялось все просто: судно работало в минус и долг перед банком рос день ото дня, поэтому платить опытному специалисту было нечем. Отказаться от столь заманчивого предложения я не могла – мне казалось, такой шанс выпадает всего раз в жизни. К тому же это был вызов самой себе: управлять другими, не имея ни образования, ни достаточно наглости. Наоборот, я настолько не верила в себя, что любые отношения стоили мне сил и нервов. В торговлю меня привел не особый талант и не интерес к этой сфере, а желание справиться с комплексами.

В кабину фуникулера вошел бездомный и, произнеся небольшую, приличествующую его виду речь, стал продвигаться по вагону с протянутой кепкой. Что-то мне подсказывало, что не такой уж он и несчастный, а нищета его показная. К тому же он был молод и с виду вполне здоров. В Лионе недавно открылись супермаркеты, где было полно работы – наклеивать этикетки, выставлять товар на полки – и огромная нехватка людей. Он вполне мог туда пойти. У меня же была маленькая зарплата, и я не собиралась раздавать деньги бездельникам.

Я спокойно рассматривала попрошайку, пока он под мерный шум фуникулера переходил от одного пассажира к другому, однако, когда он приблизился ко мне, мною овладел смутный страх.

– У вас не найдется монетка?

Я почувствовала на себе тяжелый взгляд. Кепка требовательно ткнулась мне в руки.

Поспешно достав кошелек, я протянула ему полфранка: испугалась, что, если я откажу, он нападет.

Выйдя из фуникулера, я поспешила на работу и минут через пятнадцать вышла на набережную Соны неподалеку от корабля, стоящего на причале в районе Прескиль, в самом сердце города. Место было выбрано более чем удачно – между пешеходным мостом у Дворца правосудия и мостом Бонапарта. Бульвар отделял проезжую часть от набережной, и сюда почти не долетал шум машин. По вечерам отсюда открывался удивительный вид на огни Старого города и Нотр-Дам-де-Фурвьер на другом берегу реки. Корабль покидал это место всего два раза в день, отправляясь на обеденную и вечернюю прогулки.

«Пигмалион» был старичком, давно утратившим прежний лоск. Красивый корпус бутылочного цвета кое-где начал облезать, а палубу возле ресторана, где устроили террасу, не помещало бы привести в порядок: мощные сосновые доски там выцвели и сплошь покрылись цара-

пинами. Главный зал давно требовал ремонта – мрачные деревянные панели на стенах стоило бы отполировать или даже покрасить.

На собеседовании владелец с энтузиазмом делился планами реставрации, но они так и оставались планами. Это было тем более обидно, что корабль отличался особым очарованием – очарованием старины, которую нужно лишь привести в порядок, чтобы превратить старомодное в винтажное.

Едва поднявшись на палубу, я наткнулась на мастера по ремонту, который целыми днями что-то чинил, красил и смазывал.

– Добрый день, Бобби!

– Добрый день, Сибилла. Там тебя ждут, – сказал он, кивнув на невысокого мужчину в зеленовато-синем костюме.

В то время было не принято обращаться к управляющей по имени, и уж тем более на «ты», но все мои сотрудники так делали. Просто начинали мы на равных, а привычки тяжело менять. Хотя некоторые, скорее всего, делали это нарочно – хотели показать, что я тут не главная. Но простак Бобби был на такое не способен. Это был высокий, темноволосый сорокалетний детина с крупной головой и бычьим взглядом, лицо у него слегка распухло от выпивки и бесконечного поедания чипсов. Он страдал от морской болезни и, пробуя различные способы борьбы с ней, обнаружил, что чипсы помогают лучше всего. Все знали о его пристрастии к алкоголю, но закрывали глаза: тихое пьянство и плохо спрятанные повсюду бутылки никому не мешали. Хотя из-за алкоголя он стал плохо соображать, и все держали его за дурачка. Я, правда, подозревала, что он специально поддерживал эту репутацию. Хотел, чтобы его оставили в покое. Что с этакого простофили возьмешь? Попросишь-попросишь, ничего не получишь и махнешь рукой.

– Меняешь замок?

А между прочим, я сто раз просила его починить слишком тугую дверь в туалете для клиентов!

– Ага, цепляет немного.

– Ясно.

Мне было плевать, как работает замок на ящике со спасательными жилетами, просто очень не хотелось отчитывать Бобби. Я боялась, что он сочтет придирки несправедливыми и, устав от моих директорских замашек, уйдет. Он досконально знал весь корабль – каждый винтик и каждый исторический факт – и был незаменимым человеком. Его потеря обернулась бы полной катастрофой.

– Не забудешь про замок в туалете?

– Ага, не забуду, – промычал он, как обычно, в ответ на мою просьбу.

Я прекрасно знала, что ничего не будет сделано. Казалось, Бобби все время был чем-то занят... чем-то совершенно ненужным. А нужное тем временем постоянно откладывалось.

Я пожала руку агенту в синем костюме.

– Буду в вашем распоряжении через пять минут. Только поздороваюсь с командой.

– Не спешите, у меня полно времени.

Из открытой двери моей каюты доносился голос Шарля. Он говорил по телефону. Каждый день он приходил на корабль, проводил там часок-другой, часто занимая мой кабинет – единственный, куда был проведен телефон, – а затем отправлялся в город по делам.

Я заглянула в каюту и помахала ему.

– Уверяю вас, я отдал все документы о финансировании директору банка две недели назад, – говорил он собеседнику. – Он обещал дать ответ через неделю...

Шарлю было около шестидесяти, но выглядел он потрясающе: седеющие волосы, смуглая кожа, обворожительный взгляд и элегантная, хоть и слегка потертая одежда. Он родился в семье чистокровных лионских аристократов, после смерти родителей получил в собствен-

ность корабль и превратил его в ресторан. Этот человек очень мало работал в своей жизни, но когда наследство закончилось, ему пришлось заняться кораблем, чтобы добывать средства к существованию. Дело шло туго, предприятие все больше уходило в минус. Теперь он жил надеждой, что я смогу привлечь новых клиентов и закрыть дыры в бюджете. Шарль был очень хорошо воспитан и всегда приветливо улыбался, пытаясь скрыть от других и от самого себя плачевность своего положения.

Я спешно продолжила обход корабля.

Катель увидела меня издалека и накинулась с разговорами, от которых мне всегда становилось немного не по себе. В свои тридцать она заведовала рестораном и явно мечтала о большем. Высокий рост, отличная фигура и светлые волосы помогали ей активнее продвигаться к этому «большему». Она ловко руководила всеми официантами на борту, и, если бы не ощущение, что ей не терпится занять мое место, я была бы только рада сотрудничеству. Шарль нанял Катель вскоре после меня. Ее откровенная сексапильность явно вызывала у него сильные чувства. Он пообещал ей золотые горы, а именно полностью отреставрированный корабль с рестораном класса люкс.

Ее бесило, что меня, человека без образования и опыта, назначили управляющей, поэтому она не упускала случая поставить меня в неловкое положение и заставить сомневаться в своих способностях.

– Ну что, ты сказала Марко не орать так в микрофон при отправлении?

– Скажу, скажу...

– Пассажиры вздрагивают каждый раз, а они, между прочим, приходят сюда отдохнуть и расслабиться.

Марко, капитан корабля, напоминал медведя после зимней спячки – неотесанный, грубый шестидесятилетний дядька. Я его боялась, и Катель, конечно, быстро это просекла. Именно поэтому она ловко изыскивала «важные вопросы к капитану» и регулярно толкала меня в его когтистые лапы с очередной просьбой, заранее зная, что я ничего не добьюсь. Она явно получала удовольствие от игры под названием «докажи некомпетентность управляющей».

– А, вот что еще. Надо что-то решать по поводу этого Натана. Сколько можно держать здесь этого неумеху?

Я постаралась не выдать своих чувств. Она отлично знала, что я его наняла, но, хвала небесам, не догадывалась о наших близких отношениях. Натан был не лучшим официантом, но и не худшим, однако в этой ситуации его промахи автоматически становились моими.

– Извини, меня ждут, – сказала я, кивнув на агента, который, ожидая меня, пялился на задницу Катель.

Я проклонила себя. Зачем я извинилась? Зачем оправдывалась?

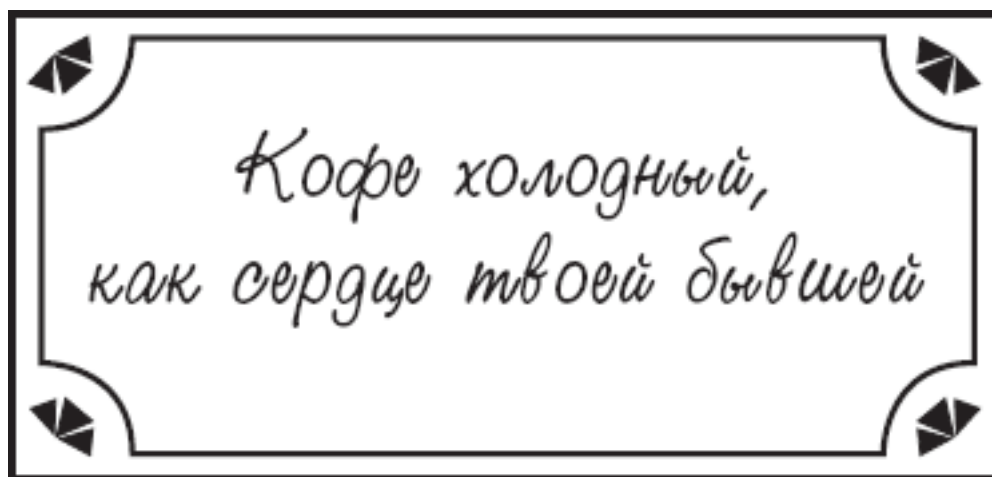
Нет, я не просто ненавидела Катель. Я ей завидовала, что гораздо хуже. Завидовала ее самоуверенности и умению настоять на своем, тогда как меня мучили бесконечные сомнения и страхи. Этот яркий контраст постоянно напоминал мне мучительный эпизод из подросткового возраста. Как-то раз я пригласила в гости школьного приятеля. После его ухода отец рассыпался в комплиментах, восхищенно повторяя: «Какой сильный характер!» Я была в отчаянии. Чем я так провинилась, что природа не наградила таким характером меня?

Я продолжила обход корабля. Мне нравилось идти вдоль борта и вести рукой по перилам. Ржавый металл столько раз покрывали очередным слоем белой краски, что теперь ладонь ощущала приятную мягкую шероховатость.

В комнате отдыха никого не было, только гора грязных чашек в раковине, каждый день приводившая меня в ярость. Почему нельзя помыть за собой посуду? Это же так просто! Я умирала от желания стукнуть кулаком по столу и наорать на всех, но... не стоило наживать себе врагов. Хотя вычислить виновников не составляло труда – каждый пользовался своей чашкой, их цвета и узоры сразу выдавали владельцев. Но нет, игра в полицейского меня не прельщала.

Войдя в ресторан, я поздоровалась с официанткой. Она уже накрывала к обеду. Белые скатерти придавали помещению более приличный вид, а заодно скрывали потертые столешницы.

Бармен Джеф, мой непосредственный подчиненный, тшедушный блондинчик, суетливый и при этом брызжущий оптимизмом, под звуки регги протирал барную стойку. На грифельной доске красовалась надпись.



– Привет, Джеф!

– Привет, Сибилла!

– Знаешь, я не уверена, что эта шутка насмешит клиентов...

– Сибилла... не будь такой зудилой...

В Джефе удивительным образом сочетались две особенности: он умел расположить к себе клиентов и сделать отличную выручку, но его низкопробные шуточки бросали тень на репутацию заведения.

К тому же он не особо следил за чистотой и часто не замечал, что стойка заставлена грязными стаканами. А если в это время находился любитель послушать сальности, то про других посетителей и их заказы Джеф начисто забывал.

Я никак не могла с этим справиться. Всякий раз, когда я собиралась с духом и поднимала этот вопрос, он яростно защищался, быстро переходя в контрнаступление и забрасывая меня псевдологичными аргументами. Я терялась, не знала, как парировать, и, только вернувшись в свой кабинет, находила ответ. Джеф не лез за словом в карман, а вот о себе я такого сказать не могла.

Я толкнула дверь в кухню и в облаке ароматного пара увидела Родриго. Он сосредоточенно резал мясо.

– Здравствуй, Родриго.

– Здравствуй, Сибилла.

Это был наш шеф-повар, сорокалетний тип с черными, слегка растрепанными волосами, грустными, как у спаниеля, глазами и обязательным для его профессии брюшком. Невероятно чувствительный шеф-повар, который часто не справлялся с ураганом эмоций. В своих блюдах он умел сочетать несочетаемое, но его шедевры порой так долго готовились, что посетители часами сидели голодными... За своей ранимостью Родриго прятался от моих робких попыток поторопить его. Любой намек на время, даже самый тактичный, задевал его за живое. Он становился мрачнее тучи, принимал вид непризнанного художника и с горечью в голосе заявлял, что я не ценю его и считаю ничтожеством. В этот момент скорость работы падала практически

до нуля: что такое заказанное посетителем блюдо по сравнению с переживаемой прямо сейчас драмой?

И если уникальность блюд как-то компенсировала особенности Родриго, то уникальность названий только подливала масла в огонь. «Грустный гратен» и «Тоскливый тартар» звучали не очень аппетитно, а «Влажное воскресенье» или «Печальный понедельник» еще и совершенно непонятно.

Хуже всего дело обстояло со свадьбами. Радость молодоженов была тяжелым испытанием для разведенного мужчины с разбитым сердцем. Однажды я набралась храбрости и пришла обсудить название закуски.

– Может, поменять «Сладкую иллюзию» на что-нибудь повеселее?

– А разве это звучит грустно?

– Ну, учитывая, что на десерт будет «Черное зеркало», получается неоднозначно... Пойми, у них праздник, они хотят вкусно поесть и хорошо провести время.

– И что прикажешь готовить? «Развеселого теленка»?

Он презрительно пожал плечами и с видом философа заявил, что настоящее счастье таится в глубинах меланхолии, а не в легкомысленном веселье. Потом он погрузился в такое красноречивое молчание, что мне пришлось уйти несолоно хлебавши. Больше я не осмеливалась поднимать эту тему.

Сегодня Родриго явно был в хорошем настроении. Мне захотелось немного поболтать и показать, как я ценю его работу.

– Мм, как вкусно пахнет сегодня! Что за сногшибательное блюдо ты готовишь?

Густые брови нахмурились, из-под них метнулся обиженный взгляд.

– А вчера пахло невкусно?

– Конечно вкусно! Просто восхитительно!

Мне расхотелось разговаривать, и я выскользнула из кухни. Даже в комплиментах он умудрялся найти повод для обиды. Он был безнадежен, и все же каждый день я пыталась завести беседу, хотя знала, что молчание – лучшая тактика. Несмотря на эти неудачи, искренность Родриго меня подкупала. В то время как я из кожи вон лезла, пытаясь найти к каждому свой подход, он оставался собой и не скрывал своих чувств.

– Здравствуй, Корантен.

– Здравствуйте, мадам Ширдун.

Корантену было около тридцати. Он родился и вырос в Бретани, а потом каким-то ветром его оторвало от родины и занесло в Лион. Невысокий, с маленькими карими глазами и темными волосами, он работал официантом на полную ставку и был единственным в команде, кто обращался ко мне на «вы». Из уважения. Но не ко мне, а к негласным правилам и формальностям. Так же трепетно он относился к работе, особенно к той ее части, которая касалась аккуратно сложенных салфеток и идеально разложенных приборов. Скорость обслуживания, к сожалению, не входила в «список чести». Даже если в ресторане был аврал, он, проходя мимо накрытого стола, не мог удержаться от того, чтобы поправить неровно лежащую вилку. Хорошо, что меня это не касалось, – его начальницей была Катель.

Обход был почти закончен, оставалось только поздороваться с Марко, капитаном корабля и по совместительству самым толстокожим из всех известных в природе носорогов. Тот, кто назвал бы его «неприветливым», сделал бы отличный комплимент. Глядя на этого крепкого темноволосого усача, можно было подумать, что он в дикой ярости, даже если дела шли хорошо. Над мрачно сверкающими глазами нависали кустистые, всегда сдвинутые брови, а челюсти, казалось, были готовы откусить полноги первому встречному.

По узкой крутой лесенке я карабкалась в рубку, с каждой ступенькой теряя остатки воодушевления, хотя без него мне туда даже не стоило соваться. Марко уважал только силу и самоуверенность, поэтому мои вялые попытки командовать разбивались о него, как о скалу.

Он сидел в кресле, глядя прямо перед собой сквозь старые потертые стекла. Рукава рубашки закатаны, большие волосатые руки выглядят угрожающе, красное лицо, как всегда, сурово.

– Добрый день, Марко.

Он повернулся и коротко кивнул.

Некоторое время я раздумывала, что страшнее – поговорить с капитаном или признаться Катель, что не смогла этого сделать.

– Послушай, не сердись на меня, но не мог бы ты потише объявлять отправление? Знаешь, ты так кричишь...

– Ну а тебе-то что? – прорычал он.

– Просто, понимаешь, это немного пугает посетителей...

– Бедняжки.

– Если бы ты говорил чуть-чуть потише, было бы просто идеально.

– Вообще-то, я вам не дикторша.

Я умыла руки. Просьба передана, а дальше будь как будет. Гордая собой, я слетела обратно на палубу и проводила страхового агента в кабинет. Шарль уже вернулся к себе, в роскошное царство темного дерева и английской зелени, где можно было воображать себя персонажем романа Агаты Кристи, распутывающим загадочное убийство.

Все утро ушло на то, чтобы пункт за пунктом изучить новый контракт. Он должен был надежно защитить корабль от любых неприятностей, в том числе от тех, которые в старом даже не упоминались. После обеда я ждала агента из другой фирмы. Мне хотелось сравнить разные предложения и выбрать самый выгодный вариант.

В пять часов пришла молодая пара. Жених с невестой искали место, где отпраздновать свадьбу, но, обойдя весь корабль, так ничего и не решили. Ближе к вечеру я связалась с несколькими предприятиями, выбиравшими ресторан для проведения ежегодного обеда. Увы, удача отвернулась от меня – никто из них не дал положительного ответа.

Каждый провал словно высвечивал мою странную особенность: я знала, что нужно делать, но... не делала этого. Что-то сдерживало меня и не позволяло действовать так, как хотелось бы. Я как будто не верила, что имею право занимать эту должность, принимать решения и вообще быть собой.

Разобравшись с делами, я решила наконец прерваться. Раковина в комнате отдыха все так же была завалена грязными чашками. Я раздраженно закатила глаза.

Пока варился кофе, я открыла свой «почтовый ящик». Несколько недель назад я попросила Бобби соорудить деревянный сундучок, куда любой сотрудник мог кинуть анонимную записку: высказаться о моей работе, покритиковать или предложить что-то дельное. Мне хотелось получить свободную и честную обратную связь, чтобы понять, как лучше руководить командой, а заодно иметь возможность решать проблемы, не доводя до скандалов и прямых столкновений.

В результате на меня сыпалось все подряд: бессмысленные и порой противоречивые предложения, настойчивые замечания, упреки, хорошие идеи и глупые советы, а вдобавок обидные слова, задевавшие за живое.

Красный замочек щелкнул и открылся. Три послания. Не густо.

Пожалуйста, научись нам доверять.

Если пытаться всем угодить, ничего не получится...

Тебе не кажется, что можно меньше параноить?

Последний вопрос звучал унижительно. Да, я старалась все предусмотреть, везде подстелить соломки, от этого, наверное, казалась излишне недоверчивой, но до паранойи мне все же было далеко.

Вечером Шарль позвал меня в свой кабинет. Я очень удивилась, когда он поднялся с кресла, чтобы закрыть дверь.

– Садитесь, прошу вас, – проговорил он.

Я молча села.

Мимо промчалась моторная лодка, и судно мерно закачалось на волнах.

Шарль обошел стол и устроился напротив меня.

– Курите? – предложил он, протягивая пачку.

– Нет, спасибо.

Он достал сигарету, щелкнул старой позолоченной зажигалкой, затянулся и, как настоящий джентльмен, выдохнул дым в сторону.

– Скоро будет три месяца, как вы работаете на корабле.

Я улыбнулась и кивнула.

– На следующей неделе заканчивается ваш испытательный срок.

– Да, я помню.

Он снова глубоко затянулся:

– Хочу быть с вами честным и сказать все сейчас, чтобы это не стало неожиданностью. Я еще не решил, оставлять вас на этой должности или нет.

Мне показалось, что я получила пощечину. Дыхание перехватило. Мысли разбежались. Да, было много сложностей, но я даже не предполагала, что могу потерять эту работу. Что меня могут уволить. Я окаменела и не сводила глаз с начальника. Ему тоже было явно не по себе.

– У нас большие сложности с финансами, – снова заговорил он. – Я надеялся, что вы привлечете новых клиентов, но, видимо, напрасно. Мы всё больше уходим в минус. Бухгалтер каждую неделю бьет тревогу. О банке я вообще молчу... Долго мы не продержимся, надо срочно что-то предпринять.

Я нервно сглотнула:

– На рынке сейчас непростая ситуация. Есть потенциальные клиенты, но они еще не приняли решение. Я чувствую, что все наладится, но нужно время.

Шарль выслушал и задумчиво покивал.

– У вас есть десять дней, чтобы добиться результатов, – как можно мягче сказал он. – Я бы очень хотел дать больше времени, но, к сожалению, это невозможно.

Земля уходила у меня из-под ног, рушилась вся моя жизнь. Я не знала, что сказать. Шарль и сам выглядел расстроенным, но мне было от этого не легче.

– Я стараюсь изо всех сил.

– Верю.

Я почувствовала, что на глаза наворачиваются слезы. Нет-нет, плакать нельзя!

– Мне кажется, – добавил он, – вы беретесь за дело не с той стороны. Возможно, стоит сконцентрироваться на главном. Смотрите, сегодня вы провели почти весь день со страховыми агентами. А ведь у нас есть более срочные дела!

Его упрек показался мне не вполне справедливым. Управлять чем-то – это еще и думать о будущем. Я промолчала.

– Если честно... Мне кажется, для этой должности нужен человек с другим характером. Лучше бы он ударил меня кинжалом.

Я была уязвлена до глубины души.

Это худшее, что я могла услышать в свой адрес. Можно изменить поведение, внешность, манеру говорить, подход к работе... Но не характер.

В кабинете повисло напряженное молчание. Наконец Шарль снова заговорил:

– Послушайте, у вас есть десять дней, чтобы меня переубедить. Возьмите себя в руки, делайте то, что считаете нужным, и главное – добейтесь каких-нибудь результатов. Я искренне желаю вам удачи.

3

В тот день я ушла с работы раньше обычного в отвратительном настроении.

Быстрым шагом я шла по набережной Селестинцев.

Что я могла успеть за десять дней? За жалкие десять дней? Не просто показать себя, но еще и получить результаты... Должно было случиться чудо, мне нужно было стать другим человеком, измениться до неузнаваемости. Но ведь это не я выбрала себе такой характер. И не я виновата в бесконечных страхах, сомнениях и переживаниях, которые подкарауливали меня на каждом шагу. Я не специально придумывала себе сложности. И кстати, я очень завидовала тем, кто просто брал и делал, не заморачиваясь из-за любой ерунды.

– Осторожно!

Какой-то мужчина схватил меня за руку, когда я уже собиралась перейти улицу Гренет перед несущимся на полной скорости «рено-дофином».

– Спасибо. Спасибо большое.

Я перешла-таки улицу и пошла по набережной Сент-Антуан.

Мне хотелось всех обвинить в своих неприятностях, всех подряд: родителей и неудачные гены, которыми они меня наградили, Бога, или случай, или что там еще влияет на нас, своего начальника и его гнилой корабль, слишком требовательных или нерешительных клиентов, доставшуюся мне команду разгильдяев и особенно Катель, явно приложившую руку к сегодняшнему ультиматуму... Они все, все, все виноваты в этой чудовищной несправедливости! Я чувствовала себя так, словно мир отвернулся от меня.

Я шла все быстрее и быстрее. Наверное, мне нужно было выпустить пар и сбросить накопившееся напряжение. То и дело я замечала расслабленных мужчин в деловых костюмах – они наверняка отлично поработали и теперь с чистой совестью возвращались домой. Веселые, омерзительно беззаботные парочки отправлялись в центр города ужинать.

Мне же хотелось только одного – добраться до дома и закрыться в спальне. Никого не видеть. Даже Натана, когда поздно вечером он вернется с работы.

Десять дней...

Через десять дней выпавший шанс превратится в тыкву, как карета из сказки про Золушку. Я ужасно злилась на себя. Как можно было упустить такую возможность?

Я все испортила.

У подножия холма я миновала торговцев картошкой фри, жаривших ее прямо тут, в чанах с кипящим маслом, и, вместо того чтобы воспользоваться фуникулером, стала взбираться вверх пешком, обходя мальчишек на роликах и стараясь не оглохнуть от их криков. Домой я вошла, с трудом переводя дух.

Я упала на кровать прямо в одежде и наконец позволила себе разрыдаться. Плакала я долго и сама не заметила, как уснула.

Меня разбудили слепящие лучи закатного солнца. Я нехотя разлепила глаза. Будильник показывал десять минут девятого.

Больше всего мне хотелось задернуть шторы и снова уснуть, но я не могла. У моей подруги Жанны в тот вечер открывалась фотовыставка. Я обещала прийти.

Никакого желания выходить из дома.

Вообще никакого.

Однако час спустя я оказалась в галерее, устроенной в бывшем винном погребе с обшарпанным полом и кирпичными стенами. Мне не хотелось расстраивать подругу, поэтому пришлось взять себя в руки. Но все мысли были только о работе. Я пробегала глазами висящие на стенах и освещаемые оранжевыми металлическими прожекторами черно-белые фотографии,

но даже не видела, что на них изображено. Я чувствовала себя потерянной среди толпы гостей, с нелепым бокалом шампанского, который сунули мне в руку при входе.

Внезапно хорошо одетый мужчина лет тридцати поднял бокал и звонко постучал по нему ложечкой, чтобы привлечь внимание публики. Он произнес речь, посвященную моей подруге. Говорил он недолго, но очень выразительно и с юмором. Было очевидно, что всеобщее внимание его нисколько не смущает. Меня, понятное дело, охватила зависть.

Аплодисменты утихли, и я с удивлением заметила, что он направился ко мне.

– Любишь промышленное искусство?

Как же достало, что все «тыкают». Мне же не пять лет! И при чем тут промышленное искусство?

Только тогда я заметила, что стою перед фотографией обнаженного мужчины, позирующего на фоне станков на каком-то заброшенном заводе.

Я заставила себя улыбнуться.

– Не узнаешь меня? – спросил он.

Пару секунд я его разглядывала.

– Нет.

Он расплылся в улыбке:

– Дам тебе подсказку.

– Хорошо.

– Университет Лион-один.

Хм, университет... Может, мы учились на одном курсе? Я там пробыла всего два года, а то и меньше...

– Извини, не могу вспомнить.

– Реми Марти, – представился он, все так же лучезарно улыбаясь.

Реми Марти?!

От удивления я не могла вымолвить ни слова.

Я бы ни за что не узнала старого университетского приятеля. Ни за что. Удивительно было то, что внешне он с тех пор почти не изменился. Зато изменилось нечто другое – он словно стал другим человеком. Прежний Реми Марти был самым незаметным юношей, которого я когда-либо встречала. Люди проходили мимо, не замечая его. Весь факультет считал меня очень застенчивой, но рядом с ним я становилась прямо-таки Тиной Тернер. Реми заливался краской, стоило к нему обратиться. Если на семинаре преподаватель вдруг спрашивал его, Реми покрывался потом, слова застревали у него в горле, и он не мог произнести ни слова. Одни его жалели, другие над ним издевались.

Я бы меньше удивилась, если бы человек, просидевший всю жизнь в инвалидной коляске, на глазах у всех встал и показал лучшие результаты в соревновании по прыжкам с шестом.

Откуда он взял эту уверенность, это спокойствие, эту харизму? Просто чудо.

– У тебя грустный вид... – проговорил он, беря меня под руку.

– Да нет, все нормально, – соврала я.

Но от одного его прикосновения мой панцирь тут же размяк.

Реми принес крошечных пирожных и был так мил и внимателен, что после нескольких слов и пары глотков шампанского я уже рассказывала о своих злключениях. Он слушал, не перебивая. Когда я замолчала, он не проронил ни слова, но от одного его присутствия мне уже становилось легче. Наконец, после некоторого раздумья, он заговорил спокойным, хорошо поставленным голосом, так сильно выделяющимся на фоне суматошного людского гомона.

– Я знаю человека, который может дать тебе другой характер. Если, конечно, ты захочешь.

Пару секунд я огорошенно смотрела на него.

– Другой характер? Как это возможно?

Реми огляделся, словно желая удостовериться, что нас никто не слушает.

– Он вводит людей в гипноз и меняет характер.

Я растерянно хлопала глазами.

– Ты шутишь?

– Нет, я совершенно серьезен.

Я внимательно посмотрела на Реми. Вроде бы он меня не разыгрывал.

– А что это за человек?

Он снова огляделся:

– Магистр тайного братства. Они хранят древние знания об устройстве человеческой души.

Я чуть не прыснула от смеха.

– Что за ерунда?

Реми устало вздохнул:

– Я пытался разузнать подробнее, кто они такие, но ничего не нашел. Эти люди хранят свою тайну уже много сотен лет.

Он выглядел серьезным и явно говорил искренне.

Я завороженно смотрела на него, разрываясь между любопытством и недоверием.

Очевидно, он сам побывал на приеме у этого магистра.

Красивая молодая женщина в длинном черном платье протянула нам поднос с канапе.

Я взяла одну штучку и задумчиво съела.

– То есть это все делается под гипнозом? А что именно он говорил, чтобы поменять характер?

– Никто не знает. Когда церемония начинается, ты почти сразу перестаешь различать слова, а выйдя из транса, уже ничего не помнишь.

– Я бы не смогла пойти на такое, не зная, что меня ждет.

– По-другому никак, – улыбнулся он в ответ.

– Ну, можно же что-то придумать... Знаю! Что, если записать его речь на диктофон?

– Это плохая идея.

– Почему?

Реми сделал глоток шампанского и ответил:

– Я разговаривал с ним. Расспрашивал, что он будет говорить, когда погрузит меня в транс.

– И что же?

– Он сказал, что я ни в кем случае не должен знать содержание речи, потому что это может сильно навредить. И понимаешь, он сказал это таким серьезным голосом, что я больше не настаивал. Решил просто довериться и попробовать.

Звучало не очень.

Я покачала головой:

– Нет, я правда не смогу вот так довериться незнакомому человеку. Нужна какая-то информация, чтобы в случае чего отмотать назад. Скажем, пойти к психологу, все рассказать и попросить... вернуть меня прежнюю.

Мой старый приятель скептически усмехнулся.

– Реми, вот ты где! Я тебя везде ищу!

Очаровательная брюнетка в очень коротком платье почти что повисла у него на шее и звонко поцеловала в щеку. Реми сунул мне визитку и исчез с девушкой в праздничной толпе. Я допила шампанское в компании голого мужчины, позирующего на фоне станков.

По дороге домой я обдумывала то, что рассказал Реми. Я не чувствовала в себе достаточно смелости, чтобы пойти на такое. Отдаться в руки неизвестного человека, да еще и в атмосфере полной таинственности... Нужно потерять всякую надежду, чтобы решиться на это.

Я вошла в квартиру. Натан читал, сидя в кресле. В тот вечер он был особенно холоден и едва взглянул на меня.

– Ходила к Жанне на вернисаж.

– Знаю.

Я попыталась завести разговор, но он не клеился.

Уже в постели, когда мы потушили свет и повернулись друг к другу спинами, он вдруг заговорил. Его низкий голос звучал в темноте как-то непривычно.

– Не знаю, есть ли будущее у наших отношений. Мне кажется, мы не сможем долго оставаться вместе.

Две фразы – и ни слова больше.

Ни слова.

Я была в шоке.

Мне хотелось поговорить, узнать, что произошло и почему он так решил, но его голос прозвучал так холодно, что я не осмелилась.

Комната погрузилась в тишину, от которой голова шла кругом.

Слезы застилали глаза и беззвучно стекали на подушку. Я старалась не всхлипывать.

Уснуть не получалось.

Рядом мерно дышал мужчина, которого я не хотела терять. Мысли бегали по кругу.

Что со мной происходит? Почему проблемы навалились со всех сторон? Казавшаяся стабильной жизнь опасно качнулась. Еще немного – и все полетит в тартарары.

События прошедшего дня снова и снова проигрывались в голове. Из мешанины лиц, голосов и ситуаций выделялся один яркий кадр: лицо моего бывшего однокурсника, расплывшееся в широкой улыбке.

Я страстно желала стать такой, как он. Родиться заново и начать наконец жить без страданий, без тревог, без пут на ногах.

Посреди ночи я приняла решение.

Завтра я позвоню Реми и спрошу, как попасть к этому магистру. И попасть срочно.

4

Улица де ла Лож в Старом городе.

Мрачное каменное здание возвышалось на узкой пешеходной улочке вдалеке от шумного центра и выглядело нежилым. За таким строгим фасадом могли найти пристанище только настоящие аскеты.

Я не сразу осмелилась подойти ко входу.

Ни таблички, ничего. Но именно этот номер дома мне указали в телефонном разговоре. «Братство Kellia», как назвал их Реми Марти, предпочитало не афишировать себя, равно как их великий магистр Оскар Фирмен. Странное имечко.

Я опять застыла в нерешительности, потом толкнула наконец старую дверь. Сперва она не хотела поддаваться, но затем все же распахнулась, и моим глазам открылся просторный сумрачный холл. Казалось, меня тут не особенно ждали. Я в очередной раз набралась храбрости и переступила порог.

Внутри царила прохлада. Пахло сыростью и старым камнем.

Дверь гулко захлопнулась, эхо от удара прокатилось по холлу. Старинная лестница с деревянными перилами, отполированными множеством рук, кружа, уходила вверх. Стены были выкрашены светлой, облупившейся от времени краской. Единственным источником скудного света оказался небольшой стеклянный купол над лестничным проемом, на высоте четырех или пяти этажей.

На полу в гигантском глиняном горшке росло декоративное каучуковое дерево таких же исполинских размеров. Единственное живое существо в мертвом пространстве. Растение стояло в центре вестибюля и, цепляясь за перила и решетку, словно карабкалось к свету.

По-прежнему ни одного указателя.

Я стала боязливо подниматься. Ступеньки скрипели при каждом моем шаге. Если бы не дерево, настойчиво тянущее свои ветви вверх, будто стремясь навстречу чему-то важному, я бы, возможно, так и осталась стоять внизу.

На втором и третьем этажах двери были наглухо закрыты. Почти дойдя до четвертого, я остановилась посреди лестничного пролета, чтобы передохнуть. Внезапно я увидела в дверном проеме пожилого мужчину в серых брюках и белой рубашке. Он пристально смотрел на меня ясными голубыми глазами.

– Я ждал вас, – раздался низкий голос.

На мгновение я замерла, потом на подгибающихся от волнения ногах преодолела оставшиеся ступеньки. У мужчины были белые с серебряным отливом волосы, немного смягчавшие резкие черты лица. Исходившее от него спокойствие немного приободрило меня.

По узкому коридору он проводил меня в просторное помещение под крышей, главным украшением которого были превосходно сохранившиеся деревянные потолочные балки. Вдоль стен шли старинные, битком набитые книжные шкафы. Ни одного окна, зато в скошенном потолке – изящная люкарна в кованой раме. Сквозь ее выпуклое стекло виднелось белое лионское небо. Повсюду стояли фаянсовые горшки с орхидеями всех видов и цветов.

Мы уселись друг напротив друга в массивные кресла, обтянутые коричневой кожей. На работе я привыкла смотреть на собеседника через спасительный барьер письменного стола и сейчас чувствовала себя неловко.

Меня поразил яркий контраст между хрупкой красотой юных орхидей, населявших комнату, и морщинистым лицом старика.

Он хранил молчание, очевидно предоставляя мне право начать разговор.

Я сразу приступила к делу:

– Реми Марти сказал, что вы можете помочь... обрести новый характер.

Старик как-то странно посмотрел на меня. Вроде с сочувствием, а вроде и нет.

– Почему вы этого хотите? – спросил он.

Удивительно, но его хорошо поставленный низкий голос пожилого человека был по-юношески звучным.

И тут я решила открыться. Я рассказала о том, что со мной произошло, призналась, что не хочу дальше жить запертой в клетке страхов и нерешительности, не умея быть собой рядом с другими людьми, задыхаясь под привычной маской, скрывающей мое настоящее лицо. Призналась, что потеряла надежду и боюсь в одночасье лишиться работы и семьи.

Договорив, я выдохнула с облегчением. Казалось, я сняла со спины тяжелый рюкзак и положила к его ногам. Моя ноша больше не выглядела такой тяжелой, ведь ее было с кем разделить.

Старик долго молчал, глядя на меня проницательным взглядом. Я чувствовала себя так, будто он видел меня насквозь, и это отнюдь не было метафорой. Но странным образом этот душевный эксгибиционизм меня не особенно смущал.

– Вы уверены, что хотите стать другим человеком?

По правде говоря, меня все еще терзали сомнения.

– Я не уверена, но... мне бы хотелось узнать, как это происходит. Я ведь вас совсем не знаю и понятия не имею, как это делается...

Он как-то странно улыбнулся:

– Для начала надо быть уверенной в своем решении.

– Знаете, я не умею быть уверенной. Это как раз то, что я в себе ненавижу и что привело меня сюда.

Он глубоко вдохнул и продолжил:

– Я могу сопровождать вас в этой трансформации, но вы должны понимать, что это не игра.

– Да, я понимаю.

Еще один оценивающий взгляд. Может, он хотел узнать, достаточно ли у меня решимости? И насколько искренне мое желание?

– Вы знаете, в мире нет идеальных типов личности, каждый хорош по-своему...

– Давайте не будем вести политкорректные беседы. Я не идиотка. Достаточно посмотреть вокруг, чтобы увидеть совсем других людей: более решительных и харизматичных, или более оптимистичных и расслабленных, или просто спокойных и безмятежных. У меня нет ничего из этого. Ничего.

Я вдруг поняла, что очень злюсь и слова мои продиктованы не чем иным, как злостью.

Старик молча наблюдал за мной. Его лицо оставалось бесстрастным.

– Для меня это большая работа, а я не люблю работать без отдачи.

– Я понимаю. Сколько это будет стоить?

Он улыбнулся:

– Я говорю не про деньги. Мне не нужно от вас ничего материального, это противоречит уставу братства. Но, учитывая мой возраст, я предпочитаю распоряжаться временем с умом, а не тратить его на... любопытствующих. Поэтому хочу сразу предупредить: если вы примете решение изменить характер, это наложит на вас некоторые обязательства.

– Что за обязательства?

– Идти до конца. Вы не сможете вернуть себя прежнюю.

Внутри у меня все похолодело: назад пути нет.

И еще меня пугало его бескорыстие. Я знала, что все имеет свою цену. Какова его цена? Что он хочет получить взамен? Что ему нужно от меня?

– А... как это происходит? Я имею в виду, что конкретно вы будете делать?

– Вы расскажете, каким человеком хотите стать, а я поменяю ваш характер на максимально близкий тому, что вы опишете. Это происходит под гипнозом: чтобы новый характер укоренился, мне нужен доступ к глубинам вашего бессознательного.

– Но... как именно вы это делаете? Как это вообще возможно?

Он помолчал несколько секунд и твердо произнес:

– Секрет подобных трансформаций доступен только членам братства.

Меня разрывало от желания все разузнать о братстве, о его истории, о том, зачем вообще оно занималось такими вещами, но Реми предостерег меня от таких вопросов, и я не стала больше ничего спрашивать.

Внутри меня шла напряженная борьба. С одной стороны, желание полностью довериться этому человеку, с другой – жуткий страх, от которого сердце колотилось как бешеное.

Старик не сводил с меня глаз. Казалось, он наблюдал за варевом из чувств, бурлившим у меня в душе.

– Я думаю, мне стоит взвесить все «за» и «против».

– Мудрое решение.

5

Шарль положил трубку и откинулся в удобном кресле красного дерева. Он, как обычно, занял кабинет управляющей – единственный, куда был проведен телефон. Сквозь иллюминатор в медной раме виднелась медленно плывущая баржа, груженная песком.

«Лионский кредит» ответил категорическим отказом.

– Обойдусь без вас, самовлюбленные дельцы Старого Света! – пробормотал он в бороду. – Это сегодня вы сильные. А что будет завтра? Между прочим, динозавры были самыми крупными животными на планете. И что? Вымерли все до одного!

Оставался еще один козырь. Последний шанс раздобыть денег и отреставрировать корабль. Это должно было сработать! Шарль не терял оптимизма, даже напарываясь на очередной риф.

Американские инвестиционные фонды, активно осваивавшие мир после окончания Второй мировой, добрались до Франции, финансовая революция могла случиться со дня на день, а старые чопорные банкиры в костюмах-тройках и с тремя подбородками ничего не видели!

– Добрый день, Шарль!

В дверях показался силуэт Катель. Как всегда, чертовски сексуальна. Облегающие черные брюки из дорогой ткани подчеркивали бедра и тонкую талию. Блузка была скроена так, чтобы обрисовать грудь.

– Входите, Катель.

Она повернулась, чтобы закрыть дверь, а заодно продемонстрировать Шарлю изгибы бедер.

– Садитесь, – пригласил он. – Чем обязан удовольствию видеть вас?

– Просто хотела сообщить, как дела в команде.

– А-а... Отлично.

– Я недавно ввела систему целей, и, кажется, это работает.

– Интересно... Что за цели?

– Каждый сотрудник обязан знать, что и когда ему положено делать. Я определила срок, за который официанты должны накрывать столы, и у них освободились дополнительные пятнадцать минут в день, которые можно потратить на важные дела.

– Очень хорошо.

– В ближайшее время я составлю план по выручке. Тогда официантам придется быть изобретательнее, чтобы клиенты заказывали больше напитков или десертов. В нашей финансовой ситуации мне кажется важным поднять продажи.

– Отличная мысль!

Катель приняла комплимент с довольной улыбкой.

– Правда, есть проблема с одним официантом, Натаном, но тут, кажется, ситуация патовая.

– А в чем дело?

– Скажем так, он явно не на своем месте, и пользы от него ноль. Мальчика, видимо, взяли не подумав, и надо бы уволить его побыстрее, пока не закончился испытательный срок.

– Если нужно, можете это сделать.

Катель скорчила гримаску:

– Это не так просто.

– Почему?

– Сибилла, похоже, не разделяет мою точку зрения. Я знаю, ей в принципе тяжело принимать решения, но тут, кажется, дело в другом...

– Что вы имеете в виду?

Катель сделала вид, что ей неловко, она якобы сомневается, вправе ли раскрывать этот секрет. Шарль терпеливо ждал.

– Дело в том, что Натана наняла Сибилла. Поэтому, понимаете... Уволить его – все равно что уличить в ошибке ее. А это никому не приятно.

– Какая разница! Если он плохо работает, придется с ним расстаться. В нашей ситуации мы не можем позволить себе платить бездельникам.

– Да, вы правы. Нужно думать прежде всего о деле.

Шарль кивнул. «Такая молодая, а все понимает».

– Но знаете... Даже если бы его нанял кто-то другой, она вряд ли осмелилась бы его уволить...

– Почему вы так думаете?

– Наша Сибилла очень милая, но...

– Вы хотите сказать, что она чересчур милая? И находит оправдания любым поступкам?

– Не только.

Катель снова поколебалась, словно подбирая слова, и продолжила наступление:

– Я думаю, она по природе очень пугливая и боится других людей, из-за этого и не может действовать решительно.

– Вы правда так думаете?

Катель кивнула:

– Сибилла видит все проблемы и все ошибки сотрудников, но не решается сказать об этом.

– Если это и правда так, я даже не знаю, что делать...

– Вы заметили, что она ни разу не проводила собрание? Думаю, она боится говорить на публике. А ведь на судне полный бардак. И все потому, что она боится указать людям на промахи.

– Мне кажется, вы преувеличиваете.

– Не верите? – спросила Катель, гипнотизируя Шарля взглядом. – Тогда предложите ей провести собрание. Вот увидите, она тут же спрячет голову в песок.

* * *

Я вышла в полной растерянности, с ощущением, что магистр пытался меня отпугнуть. Зачем? Реми говорил, что братство существует с незапамятных времен. Почему же именно со мной они не хотят иметь дела?

Может, старик счел меня слишком любопытной? Может, не надо было задавать столько вопросов? Реми ведь предупреждал...

Оскар Фирмен упомянул свой возраст, мол, он уже многое повидал и теперь хотел работать только с теми, кто настроен серьезно. Может, под конец жизни ему не хотелось браться за такое сомнительное и рискованное предприятие?

Или наоборот. Может, это давно продуманная тактика? Чем плотнее закрываешь перед человеком дверь, тем больше ему хочется открыть ее.

Ни одно из этих объяснений мне не нравилось. Я привыкла общаться с теми, кому доверяла, и никогда не ставила под сомнение их слова. А в этом человеке слишком многое меня смущало. Хотя, признаться, одним махом решить все свои проблемы, избавиться от страданий... Это выглядело соблазнительно.

Я шла узкими мощеными улочками через застроенный в эпоху Возрождения старый Лион. Время от времени, нырнув в неприметную арку, я оказывалась в потайном проходе, где порой можно было увидеть такие архитектурные диковинки, о которых ни за что не догадался бы, глядя на строгий фасад. В детстве меня завораживали секретные ходы, приводящие в

целую анфиладу крошечных внутренних дворов. Я представляла, как в темных кулуарах плетутся всевозможные заговоры, а из-за угла вдруг доносится звон клинков, и вот под стрельчатым сводом показываются два дворянина, пытающиеся проткнуть друг друга шпагой.

Я перешла Сону по пешеходному мосту напротив Дворца правосудия. Утреннее солнце слепило глаза и добавляло красок разноцветным фасадам на холме Круа-Русс.

Телефонная будка на набережной напомнила, что я давно не разговаривала с мамой. Я прошла мимо: в Джибути еще была ночь. Маме я звонила регулярно – не от большой любви, а скорее из чувства долга. У нас сложились непростые отношения. Она так и не смирилась с тем, что я выросла, и постоянно пичкала меня абсолютно ненужными советами, потом не упускала случая напомнить, как была права она и как не права я, поступив по-своему. А если я недостаточно внимательно слушала ее нравоучения, то тут же получала статус неблагодарной дочери.

На корабле я оказалась около полудня, ровно перед началом обеденной прогулки, причем с самым решительным настроением: я собиралась сдвинуть дела с мертвой точки и заставить себя уважать. Оставалось всего десять дней, чтобы доказать, на что я способна. Будущее висело на волоске. Каждый час, каждая минута были на вес золота.

Я наскоро обошла корабль, поздоровалась с командой и твердым шагом направилась в свою каюту. Распахнув дверь, я замерла на пороге. За рабочим столом друг напротив друга сидели Шарль и Катель.

– Прошу прощения, – машинально выпалила я.

Мне стало неловко за внезапное вторжение.

Катель тут же обернулась:

– У нас совещание, ты не могла бы нас ненадолго оставить?

– Да, конечно.

В замешательстве я вышла на палубу.

– Все хорошо, Сибилла?

Бобби неподалеку мыл пол. Увидев, что я выскочила из собственного кабинета, он как-то странно посмотрел на меня.

– Да, да, нормально...

На самом деле я чувствовала себя отвратительно. Как такое вообще могло произойти? Катель говорила со мной ледяным покровительственным тоном, словно начальницей была она... А ведь это я ее начальница, я! И потом... Это *мой* кабинет. Они сидели в *моем* кабинете. Извиняться должны были они, а не я! И почему я так позорно сбежала? Почему послушалась? Почему позволила унижить себя на глазах у своего начальника? Это меня погубит. И очень скоро.

Я сделала глубокий вдох. Надо взять себя в руки, надо продолжать во что бы то ни стало, нельзя сдаваться. День начался с неудачи, но я еще могу отыгаться. Снова и снова я повторяла про себя заклинание: сдвинуть дело с мертвой точки и заставить себя уважать.

– Внимание, судно отправляется! Всем отойти от трапа! Судно отправляется! – проорал Марко в микрофон.

Еще громче, чем обычно. Видимо, включил звук на полную катушку.

Корабль загудел, завибрировал и медленно отошел от набережной.

Я помчалась в его кабину, перепрыгивая через ступеньку и судорожно хватаясь за служивший поручнем канат, чтобы не свалиться. Все, с меня хватит! Пора навести тут порядок!

Марко удивленно поднял бровь. Видимо, почуял мою решимость. Обычно, когда я входила, он сидел не шелохнувшись, делая вид, что ничего не заметил.

– Марко, я вчера просила тебя не пугать клиентов и не кричать так при отправлении. Зачем ты опять это делаешь? Можешь объяснить?

Впервые за три месяца работы я не стала сдерживаться и показала, кто здесь главный. Наконец-то я преодолела страх и совершила поступок, которым могла гордиться.

– На корабле такие вещи решает капитан. А капитан тут я.

– Может, ты и капитан, зато я управляющая.

Он никак не отреагировал, и я повторила громче:

– Я здесь главная.

В тот момент я сама удивилась своей наглости.

Он нахмурил черные брови и злобно посмотрел на меня:

– Ах так? Ты главная? А знаешь, главный умеет делать то же, что и его подчиненные. И даже лучше их! Давай покажи, на что ты способна!

При этих словах он встал и вышел из кабины, оставив меня управлять с кораблем.

– Марко, вернись немедленно!

Но он уже не слышал.

– Марко! Вернись! Быстро вернись! Я приказываю!

Я в ужасе посмотрела на реку.

Корабль спокойно разрезал волны.

Впервые в жизни я схватилась за штурвал. Через помутневшие от времени стекла я судорожно вглядывалась перед собой.

Плыть прямо, только прямо.

А как остановиться? Я же не знаю, как тормозить!

– Марко!!!

Тишина.

Вот засранец! Он мне за это ответит.

– Бобби! Бобби! – орала я изо всех сил. – Бобби!

Я пристально смотрела на реку, стараясь держаться ровно посередине, как можно дальше от берегов. Как же остановить эту чертову посудину?

– Бо-о-обби-и-и!

– Иду, иду...

Услышав его вялый голос, я вздохнула с облегчением.

– Вставай за штурвал! Останови корабль!

– А что случилось?

Энтузиазма у него было как у Боба Марли после трех хороших косяков.

– Останови его немедленно!

– Да я не особо умею управлять...

– Еще раз повторяю: останови его прямо сейчас!

– Ладно, ладно... А где причалить?

– Не важно... У любой набережной... Но чтобы в нас никто не въехал!

Я выскочила из кабины и помчалась искать Марко.

Как заставить его вернуться и не потерять лицо?

Может, пойти ва-банк? Что, если поставить ультиматум: либо возвращаешься на пост, либо ты тут больше не работаешь? Самовольная отлучка – законный повод для увольнения. Я была в полном праве рассчитать его тут же, а заодно припугнуть остальных и наглядно продемонстрировать команде, кто здесь главный. Меня так и подмывало показать всем, где раки зимуют, и стать наконец начальником, которого слушаются и уважают.

Но в то же время... В голове, как на пульте управления, тревожно замигали крохотные красные огоньки: опасно, очень опасно!

«Не делай так... Подумай о последствиях», – нашептывал тихий голосок.

Оставалось всего десять дней, чтобы разбередить это болото. Нового капитана так просто не найдешь, а без него я как без рук. Кто захочет обедать или ужинать на корабле, стоящем у

причала? Да никто! Выручки, естественно, не будет, и следующей уволят меня. Нет, тут нужна осторожность. Сейчас главное – как можно быстрее вернуть Марко за штурвал.

Я проглотила обиду, вздохнула и отправилась на поиски капитана. Он стоял на палубе и курил, облокотившись на фальшборт.

Извинившись за грубость, я объяснила, что начальник не обязан все уметь, его задача – следить за тем, чтобы дела шли хорошо и каждый мог выполнять свою работу.

Марко слушал, не сводя глаз с сигареты. Я кожей ощущала, как он смакует мои извинения и упивается победой. Не сказав ни слова, он бросил на меня презрительный взгляд и вернулся в кабину.

Я чувствовала себя униженной и успокоенной одновременно. Странное сочетание.

С того момента моя тревога только росла. Я словно лавировала между Сциллой и Харибдой, и каждая грозила разбить вдребезги мою карьеру: либо я боялась каждого косого взгляда и тогда не управляла тем, что происходило на корабле, либо, преодолевая страхи, отстаивала свою позицию, что приводило к стычкам, из-за которых я терялась и убегала, поджав хвост.

Остаток дня прошел в тягостных раздумьях: как решить дилемму. Я прекрасно видела, что именно требовало изменений, но была не в силах повлиять на тех, кто плохо работал. Как найти золотую середину? Есть ли способ завоевать авторитет, не устраивая скандалов вроде того, что случился с Марко? Казалось, все было напрасно, решение не приходило. Весь день был как будто соткан из десятков мелких неудач, и под вечер я опять не выдержала и взорвалась.

На старой барной стойке выстроились крошечные мисочки с арахисом.

– Джеф, попроси Родриго нарезать сырых овощей. Насадишь их на шпажки и подашь к аперитиву. Арахисом клиенты быстро наедаются и потом не заказывают ни основные блюда, ни десерты. Надо с этим завязывать.

– Катель сказала подавать арахис. Она считает, что от соленого просыпается аппетит.

Услышав имя соперницы, я вскипела от ярости. Какого черта он слушает ее, а не меня? С огромным трудом я заставила себя успокоиться.

– А я считаю, что арахис надо заменить свежими овощами.

– Но Катель не хочет, она ясно это сказала.

– Джеф, ты помнишь, кто твой начальник? Если забыл – это я. Так что делай, пожалуйста, то, что я тебе говорю.

– Я не знаю, кого из вас слушать. Не могу же я ставить и то и другое! Договоритесь сначала между собой, а потом уже скажите, что делать.

Мисочки с арахисом остались стоять на барной стойке.

Мне хотелось одним движением руки смахнуть их на пол... но я сдержалась. Я поспешно вернулась в свою каюту, стараясь не заплакать по дороге, закрылась на ключ, упала на стул и разрыдалась.

Ничего не выйдет.

Я старалась, но ничего не получалось. И не получится в оставшиеся девять дней. Все зря. Старания напрасны. Попытки говорить иначе, вести себя иначе не работают. Проблема глубже.

Кто пойдет за тобой, кто будет тебя слушать, если ты сама в себя не веришь?

Люди идут за теми, в ком чувствуют силу, уверенность, мощь. Это почти что на уровне инстинктов.

Пора с этим смириться.

Тут не важно, прав ты или нет, справедливо поступаешь или предвзято, хороший ты человек или злодей.

Я только делаю вид, что чего-то стою. Сплошное притворство, в которое никто не верит и не поверит никогда.

Я налила стакан воды и залпом выпила. Потом вдохнула поглубже и постаралась успокоиться.

Наконец сняла телефонную трубку, набрала номер Оскара Фирмена и сказала «да». Мы договорились встретиться на следующее утро.

Закончив разговор, я огляделась так, словно видела эту каюту в последний раз. Было тихо. Чуть слышно поскрипывала обшивка корабля.

Прежняя Сибилла отжила свое. Всего одна ночь – и начнется новая жизнь.

6

Весь вечер я провела в своей каюте, подальше от чужих глаз.

Решение было принято. Оно принесло мне некоторое облегчение, но вовсе не ту безмятежность, которой бы мне хотелось.

По счастливой случайности ужин, который я заказала, принес Натан. Я впустила его и закрыла дверь на ключ.

– Мне надоело прятаться, – сказала я. – Мы ничего не делаем вместе, никуда не ходим.

– Ты же боишься, как бы нас не увидели...

– Да, боюсь, но так больше жить не хочу. Давай рискнем!

– Как хочешь.

– Во сколько ты заканчиваешь?

– В одиннадцать.

– Так поздно?

– Да, сегодня я дежурю на концерте.

– А-а, точно. Слушай, давай встретимся в кафе, в «Негоциантах»! Думаю, будет хорошо немного расслабиться и поболтать, а то мы видимся только на работе и дома.

– Договорились.

Ужинала я одна, параллельно изучая финансовые отчеты за май.

Я дождалась, пока официанты разнесут напитки и послышатся первые звуки рояля, и проскользнула в зал, где уже царил обычный для концертов полумрак. Выступала, как всегда, Палома в сопровождении пианиста Джереми Фланагана.

Ей было около тридцати, как и мне, но насколько же по-другому она себя вела! Всегда внимательная и доброжелательная, готовая выслушать любого и прийти на помощь, если что-то не клеилось, – родная мать для всех нас, да и только.

Я села на свободный стул в дальнем углу зала.

Сцену освещал приглушенный красно-желтый свет, уютный, как закатное солнце. На рояле стояла бутылка виски и стакан. Пальцы Джереми летали по клавишам. Тот, кто никогда не учился музыке, мог бы подумать, что это происходит само собой, словно по волшебству.

Пленительный голос Паломы завел одну из джазовых мелодий Нины Симон. Перешептывания в зале тут же стихли, все взгляды устремились на певицу.

Палома умела выглядеть сексуальной без малейшего намека на вульгарность. В тот вечер она была сама элегантность: короткое, но шикарное черное платье, эффектно оттенявшее ее золотистую кожу, туфли на шпильке, изысканный макияж и аккуратная прическа. Она притягивала людей как магнитом: едва увидев ее, они уже не могли оторвать глаз.

На меня такой же чудесный эффект оказывала музыка. Стоило войти в концертный зал, как все проблемы, тревоги, реальные и надуманные страхи исчезали без следа. Казалось, чья-то волшебная рука снимала с моей спины привычный груз. Магия, по-другому не скажешь.

У нашего рояля было особенное звучание, такое теплое и мягкое, какого я нигде больше не слышала. Может, все дело в его истории. Этот старый «Блютнер» был сделан в Германии в тысяча девятьсот тридцать втором году. Оттуда он поехал в Лондон, к своему первому владельцу, а спустя несколько лет вместе с ним отправился в Индию, где тогда правил Ганди. После того как Индия получила независимость, рояль вернулся в Европу. Некоторое время на нем играли в Лозанне, а потом судьба занесла его во Францию, прямо на борт нашего «Пигмалиона».

Я закрыла глаза и слушала пение Паломы, представляя себя на ее месте. Внутри у меня все вибрировало от избытка чувств. Мне грезилось, что я стою на сцене, и от звуков старого рояля, от звуков собственного голоса, от возможности вот так просто показывать другим то,

что идет из глубины души, кружилась голова. Это была моя самая безумная мечта. Я не корила себя за нее, ведь она позволяла хотя бы на миг выйти за привычные рамки...

Как мы и договаривались, поздно вечером Натан присоединился ко мне в «Негоциантах», знаменитом кафе, отмечавшем в тот год столетний юбилей.

Было так хорошо побыть наконец вдвоем, причем не в нашей блеклой квартирке, а в роскошных интерьерах Второй империи, где с высоченных, украшенных лепниной потолков свешивались хрустальные люстры. К тому же именно здесь мы впервые ужинали вместе, прямо в день нашего знакомства.

Натан заказал бокал бургундского игристого. Я последовала его примеру. Несколько глотков – и вот мы уже расслабились и болтаем обо всем подряд. Обо всем, кроме работы. Я спросила, как продвигается диссертация. Это была одна из немногих вещей, которые его по-настоящему увлекали. Когда он говорил о своих исследованиях, глаза у него загорались, он оживлялся и выглядел... неотразимо. Я ощутила то же волнение и трепет, что и в самом начале отношений. Внезапно я перестала волноваться за наше будущее.

Я смотрела на него и чувствовала возрастающее желание... Меня будоражило еще и то, что это был последний вечер «прежней Сибиллы». Что подумает Натан завтра, увидев меня совсем другой? Заметит ли разницу? А вдруг я ему разонравлюсь? Нет, только не это...

Я взяла его за руку:

– Пойдем домой.

Оплатив счет, мы поднялись и направились к выходу. Я нежно прижалась к Натану.

Вдруг я напряглась и отпрыгнула.

Прямо возле окна, скрестив ноги и едва заметно улыбаясь, изящно поднося ко рту сигарету и кивая рассказывающему ей что-то молодому человеку, сидела Катель. Она хищно посмотрела мне в глаза и отвернулась.

7

На следующее утро я проснулась рано. В голове крутилась одна-единственная мысль: «Ты совсем сошла с ума – подписаться на такое?»

Меня терзал новый страх: а вдруг этот тип не просто так хочет загипнотизировать меня? Вдруг у него злой умысел? В памяти всплывали обрывки какого-то фильма, вроде бы Хичкока, где преступник ввел в транс ничего не подозревающего человека, тот совершил убийство и был приговорен вместо злодея... Я ведь ничего не знала ни об Оскаре Фирмене, ни о его братстве. Так, какие-то обрывки, и то со слов Реми. Но ведь мы с Реми даже не были друзьями, просто однокурсники. Разве я могу ему доверять? А вдруг он состоит в их организации и вербует людей для черных дел?

Все-таки стоило навести справки. Я достала телефонный справочник и взялась за поиски. «Братство Kellia». Ничего.

Просто «Kellia». Тоже ничего.

Я попробовала другие написания. Бесполезно.

Нашлось несколько человек по фамилии Фирмен, но среди них ни одного Оскара и ни одного, живущего по этому адресу.

Никакой зацепки. Ни в желтых, ни в белых страницах.

Часы показывали 8:10. Натан еще спал. Оскар Фирмен ждал меня в 10:30, а неподалеку от улицы де ла Лож находится библиотека Сен-Жан. Я еще успевала поискать там!

Я быстро оделась, схватила яблоко и выбежала на улицу. Было еще свежо. Чуть ли не кубарем я скатилась с холма в Старый город и влетела в библиотеку, расположенную в бывшем Епископском дворце. Конечно, я не рассчитывала найти информацию о тайном братстве, но надеялась, что слово «Kellia» даст какие-то зацепки.

Юная библиотекарьша впервые слышала такое название, но все же подсказала пару книг. Я нашла их в глубине зала и бегло пролистала, прислонившись к высокому стеллажу. Ни намек, ни следа. Я была в полной растерянности. Время утекало сквозь пальцы, а я понятия не имела, как поступить.

Часы показывали 9:25. Что делать?

Внезапно мне в голову пришла идея, которой я поделилась в разговоре с Реми: записать сеанс на пленку. Он, правда, предупреждал, что переслушивать такое опасно. Возможно. Но ведь я могла просто записать и использовать как улику, если придется пойти в полицию.

В полной растерянности я спросила библиотекаршу:

– Простите, вы не знаете, где поблизости можно купить магнитофон?

– Магнитофон?

– Да. Понимаете, я ищу совсем крошечный аппарат...

Она скорчила недовольную гримасу:

– Не знаю... Попробуйте посмотреть у Ролана, на улице Брест.

Это на другой стороне Соны. Я помчалась туда.

Через час я уже шагала обратно. В кармане лежал один из первых микрокассетных диктофонов. Я устроила продавцу допрос с пристрастием. Насколько тихо он работает? Не шелкает ли, когда заканчивается пленка? А если сядут батарейки? И еще кучу всяких мелочей. Он успокоил меня, заверив, что никаких звуков при записи не будет слышно. Единственной проблемой оказалось время. На микрокассету много не помещается, поэтому включить ее нужно в последний момент.

Всю дорогу меня трясло от страха. Стараясь отвлечься от тревожных мыслей, я внимательно рассматривала дома по дороге. Решение было принято. Я сделала все, чтобы обезопасить себя. Оставалось только дойти до цели, не сбежав на полпути.

На углу улиц Гадань и де ла Лож во рту пересохло: я увидела знакомое мрачное здание, на которое не падал ни один луч солнца.

Вокруг ни души. Последние метры я прошла на ватных ногах.

Скрепя сердце я толкнула тяжелую дверь и вступила в полумрак холла. В нос снова ударил запах старого камня, кожа ощутила знакомую влажность. Я начала медленный подъем по старой скрипучей лестнице.

На предпоследнем этаже я остановилась. Меня трясло. Я заставила себя медленно вдохнуть и выдохнуть.

Пару минут спустя я уже сидела напротив магистра.

Он вроде выглядел более приветливым, чем в прошлый раз, и, казалось, даже хотел меня подбодрить, но от ужаса я плохо соображала.

Фирмен попросил подробно рассказать, каким человеком я бы хотела стать.

Я заговорила, взвешивая каждое слово и пытаясь выражать свои мысли как можно точнее. Ставки были, как никогда, высоки.

– Я мечтаю стать женщиной, которая знает, чего хочет. Женщиной, которая не поддается чужому влиянию и не боится. При этом ни в коем случае не жесткой и не авторитарной. Просто спокойной и уверенной.

По мере того как я описывала мельчайшие черты характера «будущей себя», мне становилось спокойнее. Я словно примеряла новое платье, и, надо сказать, оно удивительно хорошо сидело. В глубине души я была готова к этой метаморфозе и только ее и ждала.

Я договорила. Оскар попросил меня расслабиться.

Незаметно сунув руку в карман пиджака, я включила диктофон. Потом отбросила все сомнения и тревоги и, повинувшись голосу магистра, начала уплывать из реальности.

Он и сам постепенно входил в медитативное состояние: его голос становился все медленнее и доверительнее, проникая в самые глубины моей души. Я сдавалась, отпускала контроль, переставала бороться.

8

Кома, 7 января 2018 года

Сэм сидел на террасе кафе «Джорджо», на самом берегу озера.

Два дня назад он поселился в небольшом, но очень хорошем отеле «Леонардуцци». Стены в его номере были выкрашены в белый цвет, пол выложен терракотовой плиткой.

Он арендовал скутер, чтобы не вызывать такси для каждой поездки на виллу. Это оказалось гораздо дешевле и приятнее, чем передвигаться на машине. Что может быть лучше, чем ехать по лесным дорогам, чувствовать, как ветер треплет твои волосы, а запах цветущих деревьев щекошет ноздри?

Каждый день он проводил час-другой с Сибиллой Ширдун, а потом возвращался в отель и брался за расшифровку интервью. Тексты он набирал, сидя на террасе кафе. Чтобы дело спорилось, рядом стоял неизменный стаканчик martinis.

«Недурно, недурно», – ухмылялся Сэм, позвякивая кубиками льда.

Серия статей постепенно обретала структуру. Не хватало одного – фотографий. Такая насыщенная жизнь требовала иллюстраций, но у Сибиллы, как назло, не осталось ни одного снимка из того периода жизни.

Сэм взял со стола мобильник и позвонил ассистентке.

– Дженнифер, есть просьба. Поможешь?

– Конечно, надо же как-то отрабатывать зарплату.

– Нужно найти одного мужчину, он жил в Лионе в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году. Потом его вроде бы видели в Нью-Йорке.

– Дай отгадаю: ты не знаешь, как его зовут, зато у тебя есть точная информация о цвете волос и приблизительная – о росте.

– Ха-ха! В тот раз ты, кстати, отлично справилась с заданием, хотя сведений и правда было маловато!

– Новичкам везет. Но теперь придется потрудиться самой, не рассчитывая на удачу.

– Не скромничай.

– Ладно, что ты знаешь об этом типе?

– Его зовут Джереми Фланаган. В шестидесятые он был пианистом, играл по барам. Не знаю, жив ли он, но если да и если он где-то неподалеку, его кровь из носу нужно заманить в Кома. И еще один вопрос. Удалось найти кого-то, кто сможет реанимировать рояль?

– Да, есть один человек. Живет в часе езды от Лиона. Зовут Жоэль Жобе. Он местная звезда, кочует между тремя странами: Францией, Швейцарией и Турцией. Это он отреставрировал все рояли в консерватории Анкары. Если он не справится с твоим «Блютнером», то и никто не справится. Не представляешь, каких трудов стоило дозвониться до него.

– Ого... Вряд ли он найдет для нас время. Если мы попадем в список ожидания на два года, лучше сразу отказаться...

– Думаю, надежда есть. Он не сухарь. Я рассказала, что одна очень пожилая женщина мечтает вновь услышать рояль своей молодости. Это его очень растрогало.

– Надеюсь, ты не назвала фамилию пожилой женщины?

– Нет, у меня было ощущение, что тут лучше обойтись без имен. И потом, он постоянно имеет дело со знаменитостями, этим его не удивишь.

– Ты гений!

– Подожди, рано радоваться. Он еще не дал согласия.

– Пришли мне его номер.

– Готово.

Сэм услышал, как пиликнул телефон. Пришло сообщение.

– Дженнифер, ты просто ангел.

Две минуты спустя Сэм набрал номер и – о чудо! – тут же услышал в трубке голос Жоэля Жобе.

– Сэм Бреннан, из «Ньюсуик», вы разговаривали с моей ассистенткой, Дженнифер Купер.

– Здравствуйте, месье Бреннан.

– Называйте меня Сэмом.

– О чем вы хотите поговорить, Сэм?

– Об одном старом рояле, который простоял без дела пятьдесят лет. Как думаете, сможете привести его в порядок?

– Да, если он хранился в хороших условиях.

– Э-э-э... А что значит «хорошие условия»?

– Вдали от солнечного света...

– Могу вас уверить, за это время его не коснулся ни один луч солнца...

– ...и в сухости.

Тишина.

– Аллю? Вы тут? – переспросил Жобе.

– Скажем так, там, где он стоял, было довольно влажно.

– Ладно, посмотрим.

– И... как бы это сказать... у него нет струн.

– Ничего страшного. Их снял владелец?

– Нет...

– Сэм, вы говорите загадками. Что там за история со струнами? Куда они делись?

– Ну-у-у... Они исчезли... вернее... растворились в воздухе...

Повисло молчание.

– Кажется, вы чего-то недоговариваете. Где именно находился инструмент?

Снова пауза.

– Он пролежал пятьдесят лет на дне Роны, на глубине пяти метров.

– Ясно.

Сэм нервно сглотнул:

– Как думаете, его можно отреставрировать?

Жобе громко вздохнул:

– К сожалению, это уже не инструмент. Ловушка для рыбы – да, аквариум с педалями – вполне. Но точно не рояль.

– Нет, вы не понимаете... вода его даже не коснулась. Он оказался в воздушном кармане, в водонепроницаемом помещении. Просто немного пострадал от влажности, ничего особенного. Вы... когда вы могли бы им заняться?

– Не горячитесь, молодой человек. Я найду время.

9

Лион, 16 июня 1964 года

Натан вернулся домой со свежим багетом и кусочком козьего сыра из лавочки Жанье. В кои-то веки решил побаловать себя. Если нарезать помидоры колечками, сбрызнуть оливковым маслом, добавить хлеб и сыр, получится вкусный и простой обед на одного. На работу только вечером, разносить напитки во время концерта, а пока было полно времени, чтобы перекусить и спокойно поработать над диссертацией.

Войдя в квартиру, он заметил в прихожей пиджак своей девушки.

– Сибилла? Ты тут?

Тишина. Должно быть, возвращалась за чем-то и забыла пиджак.

Натан пошел на кухню, включил радио и под чарующий голос Пьера Бельмара открыл воду и помыл помидоры.

«Черт, куда делось полотенце?»

Стараясь не заляпать шкафчики мокрыми руками, он открыл один из кухонных ящиков. Здесь нет.

«Почему Сибилла никогда не кладет вещи на место? Туда, где им логичнее всего лежать?»

Он раздраженно перерыл всю квартиру в поисках чистых полотенец. Это заняло не так много времени, учитывая, какое крохотное жилье они снимали.

В стенном шкафу в прихожей нет, в консоли под телевизором нет, на стеллаже в гостиной нет.

«Да что ж такое? Где эти чертовы полотенца?»

Оставалось одно место. Положить туда вещи из кухни было настолько нелогично... что, возможно, именно там и следовало посмотреть. В шкафу Сибиллы. Она вряд ли обрадуется, узнав, что он рылся в ее вещах, но ведь рассказывать необязательно.

Натан поднялся на второй этаж и открыл шкаф, доставшийся Сибилле от ее бретонской бабушки.

«Ну конечно!»

Вот они – выглаженные и аккуратно сложенные под стопкой футболок.

Он хотел аккуратно вытащить самое нижнее, чтобы стопка не развалилась, как вдруг рука на что-то наткнулась. Маленький твердый предмет. На ощупь непонятно, что это. Натан машинально достал его и осмотрел.

Это оказался крошечный диктофон.

Натан видел такой впервые.

Какого черта Сибилле это понадобилось?

Он присмотрелся. Внутри виднелась кассета.

«Может, послушать?»

Его раздирали любопытство и чувство вины. Он знал, что Сибилла очень разозлится, если он сунет нос в ее дела. Не просто разозлится – она будет в ярости и никогда этого не забудет.

Он благоразумно вернул диктофон на место, взял полотенце и закрыл шкаф.

Спустившись на кухню, он распаковал сыр и нарезал небольшими кубиками. Пьер Бельмар все еще рассказывал свою трогательную историю, но Натан уже ничего не слышал. Голова была занята странной находкой.

«Черт возьми! Что она там записывает? Такой крошечный прибор нужен, если хочешь сделать это незаметно. Но зачем ей это? А главное... кого она записывает? Интересно кого?..»

Он выложил на тарелку нарезанные помидоры, сверху кусочки сыра, сбрызнул оливковым маслом...

Нет, так нельзя. Надо все узнать. Невозможно жить с человеком, который исподтишка записывает чьи-то разговоры. Натан решил послушать кассету и убрать диктофон на место. Сибилла ничего не узнает, а ему станет спокойнее.

Он тщательно вымыл руки, вытер их жестким льняным полотенцем и снова поднялся на второй этаж. Достал из шкафа диктофон, нажал кнопку «Play» и стал ждать.

Тишина. Сквозь прозрачную крышку было видно, что кассета крутится, но... абсолютно беззвучно.

Он нашел кнопку перемотки, вернул пленку в начало и еще раз нажал «Play».

Снова тишина. Однако несколько секунд спустя раздался глухой, замогильный голос, принадлежавший скорее мертвецу, чем живому человеку. На фоне мелодичного журчания Пьера Бельмара, доносившегося с кухни, этот голос звучал особенно пугающе.

Человек говорил очень медленно. Из-за долгих пауз между словами было практически невозможно понять, о чем он говорит. Пытаясь уловить смысл, Натан сосредоточился и весь превратился в слух. Речь звучала более чем странно. Мужчина зачем-то перечислял части тела своего собеседника и предлагал почувствовать их одну за другой, начиная с кончиков пальцев на ногах. Он четко называл их, время от времени хвалил, говорил: «У вас хорошо получается» – и предлагал еще больше расслабиться. Некоторые фразы были как будто неправильно построены, смысл ускользал, словно в них чего-то не хватало – то ли глагола, то ли дополнения. Другие вообще казались бессмысленным набором слов без всякого намека на логику. Все было тем более странно, что уверенный тон и хорошо поставленный голос выдавали человека, хорошо владеющего речью. Несколько минут Натан в недоумении слушал эту белиберду. Человек ненадолго замолчал и снова заговорил, теперь уже совсем о другом. Казалось, он описывал характер или темперамент своего собеседника, хотя правильнее было бы сказать – приказывал ему, что тот должен думать и чувствовать. Натан слушал это с нарастающим беспокойством. Опять наступила тишина. А затем прозвучали слова, от которых у молодого человека кровь застыла в жилах:

– В глубине души, – вещал замогильный голос, – в самой глубине вашей души гнездится чудовищный страх, подспудная тревога...

Пауза.

– Страх оказаться плохим, аморальным человеком.

Натан еле дышал. То, что он услышал, ошеломило его.

Голос снова заговорил:

– Выйдя отсюда, вы забудете эти слова, но тревога останется с вами навсегда. Она будет жить в недрах вашей души, и вы будете делать все возможное, чтобы заглушить ее.

10

Я открыла глаза. В голове промелькнула мысль: «Ничего не изменилось». Может, система дала сбой? Я чувствовала себя как обычно. Внезапно я порадовалась, что с меня не взяли денег, иначе я бы чувствовала себя обманутой.

Из вежливости я поблагодарила Фирмена. Этот милый человек уделил мне время, и, даже если его работа оказалась напрасной, стоило вести себя корректно.

Я попрощалась и вышла на улицу.

Все надежды рухнули. Но если вдуматься, кто был виноват в этом разочаровании? На что я вообще рассчитывала? Это же просто глупо – прийти к другому человеку и попросить решить мои проблемы. Только я могла исправить ситуацию, в которой оказалась, а для этого надо было взять себя в руки и действовать.

Кстати, пока я пробиралась по узким улочкам Старого города среди толп беспечных туристов, в голову одна за другой приходили свежие мысли о том, что можно улучшить на корабле. Я повторяла их про себя, чтобы не забыть, и, когда вдали показался «Пигмалион», уже знала, чем займусь.

– Мелочи не найдется? – послышался хриплый голос.

Небольшая компания, прогуливавшаяся по набережной, как раз остановилась, чтобы сфотографировать базилику Нотр-Дам-де-Фурвьер на другом берегу реки. К ним подошел бездомный в жалком тряпье и стал тыкать кепкой в каждого по очереди, как заведенный повторяя свой вопрос.

Глядя на это, я внезапно разозлилась на несправедливое устройство общества. Почему одни горожане не могут позаботиться о других? Почему кто-то вынужден спать под мостом и зарабатывать на жизнь милостыней? Если бы все объединили усилия, мы бы справились с этой проблемой!

– Эй, ну хоть че-то дайте, блин! Че, тут одни скряги, а?

Боже, какая вульгарность! Нельзя же так обращаться к людям!

Надо ему объяснить.

В этот момент бродяга повернулся ко мне, и я решительным шагом подошла к нему:

– Вам нужно сделать над собой усилие и постараться говорить вежливо.

Он ничего не ответил, поэтому я пояснила:

– Всем будет лучше, и вам в первую очередь.

Бездомный косо посмотрел на меня. Взгляд не сулил ничего хорошего.

– А тебе-то какое дело?

Его грубость задела меня, но я все равно продолжила говорить, стараясь не обращать внимание на его слова. Я даже постаралась придать голосу мягкость, чтобы он почувствовал, что я забочусь о нем.

– Понимаете, если вы будете говорить более уважительно, получите больше денег. Люди почувствуют к вам симпатию и, возможно, захотят помочь.

Он пожал плечами, выудил литровую бутылку вина из кармана куртки и присосался к ней.

– Месье, алкоголь тоже не лучшее средство, вам стоит...

– Слышь, отвали, а?

Какое разочарование! Мне хотелось довести разговор до конца, убедить его.

Уже возле самого корабля я вдруг поняла, что произошло неслыханное, и застыла на месте.

Мне не было страшно.

Мне вообще нисколько не было страшно.

Хотя этот пьянчуга вел себя довольно агрессивно, ни перед разговором, ни во время его мысль об опасности даже не приходила мне в голову.

Это было поразительно – если знать мой характер... И могло означать только одно. Как гром среди ясного неба, на меня обрушилось осознание того, что я... стала другим человеком! Я правда стала кем-то другим! Все сработало!

Я была в шоке.

Меня распирало от счастья. А потом я поняла еще кое-что и чуть не лопнула от бури эмоций: я осталась самой собой! Я чувствовала себя той же самой Сибиллой, только впервые за тридцать два года жизни меня не душили страхи.

Наконец-то я дышала полной грудью. С легким сердцем я поднялась на борт. Жизнь менялась на глазах. Теперь я знала, что все получится, я оправдаю доверие Шарля, а главное – смогу наслаждаться жизнью, забыв о тревогах и сомнениях.

Я собиралась приняться за дело немедленно: взять все под контроль, организовать работу команды, исправить недочеты и трудиться, трудиться, трудиться, чтобы как можно быстрее выправить ситуацию. До окончания испытательного срока оставалось каких-то девять дней, но, если по-настоящему выложиться, можно получить неплохие результаты.

Поднявшись на борт, я решила попридержаться коней и для начала поздороваться с сотрудниками – не стоило пренебрегать банальной вежливостью. Во время этого, казалось бы, привычного обхода я заметила кучу мелочей, требовавших исправления. Раньше я не обращала на них внимания, а теперь ужаснулась тому, как сильно эти недочеты и шероховатости портят общее впечатление. Отныне все изменится!

Я с удовольствием взялась за работу. Впервые в жизни я действовала, не задумываясь о том, к чему приведут мои решения, как отреагируют или не отреагируют люди, чем мы рискуем и какие подводные камни могут встретиться на пути.

Теперь меня заботило лишь одно: сделать все хорошо – и точка. Это оказалось несложно. Без лишних раздумий я бралась за очередную задачу, доводила ее до конца, всякий раз испытывая огромное удовлетворение.

Разложив по папкам документы, я вдруг поняла, что раньше, как ни перетасовывала их, не справлялась с постоянным хаосом на столе.

Я перестала откладывать дела на завтра и удивилась, как хорошо себя чувствуешь, если сразу переходишь от мысли к действию. Когда над тобой ничего не висит, даже дышится легче.

Единственным моментом, омрачившим мою радость, стал неожиданный разговор с Шарлем.

– Сибилла, – начал он, – я думаю, было бы неплохо собрать всю команду. Вы этого ни разу не делали, но мне кажется, это важно, чтобы подвести промежуточные итоги и наметить цели.

– Да, вы правы.

Я немного расстроилась, но сам упрек был справедливым. Нужно было как можно скорее провести собрание. Нужно, и все. Хотя что-то в этой идее меня смущало. Я не боялась, нет. На меня нахлынуло новое, незнакомое прежде ощущение. Дело в том, что я еще никогда не проводила собраний и не знала, как сделать это *по-настоящему хорошо*. А разве можно как-то иначе? Нет. Либо идеально, либо никак.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы все продумать, прежде чем предупредить команду. В конце концов я решила собрать всех в шесть часов, чтобы успеть до начала подготовки к концерту.

Я написала объявление и пошла с ним в комнату отдыха.

Гора грязной посуды в раковине опять меня взбесила. Попивая кофе, Джеф смотрел, как я вешаю объявление на доску, а затем, как ни в чем не бывало, прямо у меня на глазах положил свою чашку поверх остальных.

Меня охватила ярость, но я сумела сдержаться и как можно спокойнее сказала:

– Послушай, чашку нужно споласкивать сразу после того, как выпьешь кофе, иначе смотри, что происходит: их накапливается слишком много, и уже невозможно пользоваться раковиной.

– Именно поэтому я и не могу ее помыть.

– Если каждый будет сразу мыть свою чашку, проблема решится сама собой и всем будет проще, понимаешь?

– Так я и не спорю. А сейчас-то что делать? Не могу же я перемыть всю эту гору?

– Ну кто-то же должен взять на себя инициативу, иначе все так и останется.

– Ладно-ладно, не заводись!

– Я и не заводжусь.

– А вот и заводишься!

– Джеф, я просто хочу решить проблему.

– Ты же не хочешь, чтобы я один вымыл все это? – испугался он.

– Вымой, пожалуйста, хотя бы часть, а я передам остальным, что с сегодняшнего дня мы ничего не оставляем в раковине.

Джеф взялся за дело, а я довольная вышла из комнаты отдыха и тут же наткнулась на Бобби с пакетом чипсов в руках. Его засаленная одежда привела меня в ужас. Такая расхлябанность была просто недопустима.

– Бобби, если тебе надо будет войти в ресторан во время ужина или концерта, надень, пожалуйста, чистую рубашку.

Он выпучил глаза и посмотрел так, словно я обратилась к нему на суахили.

– А зачем?

– Чтобы не портить репутацию заведения.

– А что... что не так с моей рубашкой? – промямлил он.

– Она вся в пятнах.

– А-а-а, ну да...

– Кстати, пока не забыла, бери инструменты и пойдем со мной. Надо наконец починить дверь в туалете, а то посетители жалуются, что она плохо закрывается.

– Черт, я и забыл о ней...

По дороге я указала на несколько колченогих столиков, тоже требовавших его внимания. Официантам то и дело приходилось подкладывать под ножки кусочки картона, а это никуда не годилось.

Там же, в ресторане, нашлось еще одно дело. Крышка старого рояля пестрела отпечатками пальцев – неудивительно, ведь за тридцать лет на нем переиграло огромное количество пианистов.

– Найди, пожалуйста, подходящую краску и приведи это в порядок.

– Ага, сделаю.

Спустя несколько минут Бобби, к моему огромному удовольствию, уже разбирался с дверью туалета.

Джеф как раз вернулся за барную стойку.

– Было бы неплохо еще и штаны ему высушить, – шепнул он мне на ухо, кивнув на нашего мастера.

– А в чем дело?

– Ты не видела? У него между ног мокро.

– Ого.

И как я сама не заметила?

– Только увидит в зале симпатичную девушку, тут же стреляет у меня кубик льда и засовывает в трусы. Ну, понимаешь, чтобы успокоиться.

И он прыснул со смеху, как глупый подросток.

– Бред какой-то.

У Джефа, конечно, было странное чувство юмора, но такой белиберды я от него еще не слышала.

Я быстренько вернула его к реальности, ткнув в ужасные разводы и пятна, портившие вид роскошной медной барной стойки. Джеф заявил, что не он их оставил и не ему оттирать. Поэтому мне пришлось найти тряпку и моющее средство и самой взяться за дело, чтобы показать, какие чудеса творят простое усердие и желание изменить что-то к лучшему. Едкий запах моющего средства разлился по помещению, стойка аж попискивала под моим напором.

Мимо прошла Катель, одарив меня своим фирменным презрительным взглядом. Раньше я бы провалилась сквозь землю от стыда, но в тот день меня словно защищала невидимая броня: я знала, что поступаю правильно и что управляющий не должен гнушаться физической работы.

Четверть часа спустя я снова увидела Катель, на этот раз в окружении команды официантов. Раз в неделю она собирала их и устраивала небольшой урок. Надо сказать, тут я ее полностью поддерживала: обучение было совершенно необходимо.

– Итак, – говорила она, не обращая внимания на мое присутствие, – кто помнит, как можно увеличить сумму счета?

Ее взгляд переходил с одного человека на другого.

Из кухни доносился аппетитный запах жаркого.

– Надо сделать так, чтобы они заказали десерт, – выпалила Ванесса, совсем юная девушка.

– Хорошо, – согласилась Катель, – но как этого добиться, если они уже наелись?

– Описать десерт так вкусно, чтобы они не устояли? – внес свою лепту Корантен, официант, помешанный на идеальной раскладке приборов.

– Если люди сыты, это не поможет, – возразила Катель. – Еще идеи?

– Можно сказать, что другие посетители просто в восторге от этого десерта, – предложил Мартен, студент, работающий на полставки.

– Лучше, но недостаточно убедительно. Еще мысли?

Я улыбнулась, увидев сидящего в уголке Натана. Он, как всегда, держал язык за зубами, предпочитая привычную позицию наблюдателя.

Поскольку все молчали, Катель раскрыла секрет:

– Предложите заказать десерт в самом начале. Когда люди голодны, им кажется, что основным блюдом они не наедятся.

– Ого, хитро! – присвистнул Мартен.

– Как еще можно увеличить счет?

– Сделать так, чтобы вместо графина воды они взяли платные напитки, – предложила опытная официантка.

– Отлично. Как это сделать?

– Сразу предложить минеральную воду.

– Они могут отказаться, – возразила Катель.

– Ну, так они от всего могут отказаться! – не согласился Корантен.

– Есть способ усложнить задачу, – заявила Катель с нехорошей улыбкой. – Он называется «техника иллюзорного выбора».

Официанты недоверчиво посмотрели на нее.

– Людям нравится думать, что они сами принимают решение. Поэтому позвольте им выбрать... между двумя платными напитками. «Вы предпочитаете „Эвиан“ или „Виттель“? Красное или белое вино?» Вот увидите, это отлично работает.

В зале воцарилась тишина, официанты записывали технику.

– Но ведь это нечестно, – прозвучал голос Корантена.

Я разделяла его мнение. Предложить клиенту что-нибудь соблазнительное – это одно, но манипулировать – это уже совсем другое. Я решила переговорить об этом с Катель, но не сейчас, а потом, с глазу на глаз, чтобы не ронять ее авторитет у подчиненных. В общем-то, ничего удивительного в ее словах не было. Она учила официантов поступать так, как привыкла сама, – мухлевать с улыбкой на лице.

– Когда клиент берет графин воды, – ответила она Корантену, – он ничего не платит. Мы же обслуживаем его, моем стаканы и графин, да еще и платим за воду. Это ты считаешь честным?

Она сказала это так уверенно, что все сомнения у официантов отпали.

Я вернулась в кабинет и достала список молодых пар, которые в мае приходили на корабль, выбирая место для проведения свадьбы. Все обещали определиться до конца месяца, но никто не сдержал слова, что было как минимум невежливо. Я обзвонила их всех и напомнила о себе. Только зря потратила время. У большинства людей самодисциплина хромала на обе ноги. К тому же они были не способны признавать свои ошибки и сердились, когда кто-то призывал их к порядку. Воистину, настали времена полной распушенности.

Я наскоро перекусила у себя в кабинете, с умом подойдя к выбору еды: взяла легкие блюда, чтобы не клонило в сон, и отказалась от десерта, чтобы вместе с прыжками сахара не скакало настроение.

Только я доела, ко мне зашла Катель и попросила разобраться с инцидентом.

– Родриго твой подчиненный, так что вперед, – самодовольно сказала она.

Я отправилась в ресторан, чтобы принять у клиента жалобу.

– Мне принесли практически пустую тарелку. Знаете, это уже перебор...

Прозрачный кусочек рыбного филе был еле заметен на тарелке. К нему прилагалась такая же жалкая лужица соуса. И никакого гарнира.

Я взглянула на грифельную доску с меню.

«Покинутый окунь».

Родриго снова был в ударе.

– Понимаете, наш шеф-повар – адепт экспериментальной кухни.

– А почему тогда у моего коллеги полная тарелка еды? – кивнул он на своего товарища.

У подножия горы печеных яблок в луже крови лежал солидный кусок говядины. Судя по написанному в меню, это было «Идеальное преступление».

– Я сейчас разберусь с этим.

Применив все искусство дипломатии, я добилась от Родриго новой порции блюда, гораздо более внушительной.

Вторую половину дня я провела, исправляя замеченные еще утром недочеты. Постепенно мне становилось ясно, что стоило делать, а что нет. В голове мало-помалу выкристаллизовывалась норма, к которой должна была стремиться не только я сама, но и все сотрудники. Достичь ее и поддерживать – вот моя миссия на корабле. Чем больше я в нее верила, тем острее становилось мое зрение, я подмечала всё новые детали, всё новые несовершенства.

Недостатки самого корабля, каждого коллеги и даже клиентов не давали мне жить спокойно. Себя я судила еще строже, чем остальных.

Я, конечно, получала некоторое удовлетворение, исправив очередную ошибку, но приятное чувство улетучивалось, стоило мне заметить «остальное», все еще не идеальное и ожидающее моего вмешательства. Это напоминало видеоигру, в которой ты убиваешь нападающего, а на его месте тут же появляются несколько новых. И так без конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.